

Литературный факт.
2025. № 2 (36)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-55-91>
<https://elibrary.ru/ISSXNH>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (36), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Зевес Благовоитель» и «прирожденный gamin»: переписка С.А. Венгерова с К.И. Чуковским (1907–1914)

© 2025, С.В. Федотова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Впервые публикуется двусторонняя переписка С.А. Венгерова с К.И. Чуковским, позволяющая проследить литературные взаимоотношения между известным библиографом, историком литературы, издателем, с одной стороны, и молодым литературным критиком — с другой. Реконструируется неизвестный сюжет, связанный с попытками Венгерова привлечь Чуковского к написанию литературных портретов В.Я. Брюсова и З.Н. Гиппиус для масштабного издательского проекта «Русская литература XX века. 1890–1910» (под ред. проф. С.А. Венгерова). Выдвигается гипотеза о том, что недатированный ответ Чуковского на анкету КБС (Критико-биографического словаря...) может быть хронологически соотнесен с последними письмами корреспондентов.

Ключевые слова: С.А. Венгеров, К.И. Чуковский, переписка, В.Я. Брюсов, З.Н. Гиппиус, литературные портреты, анкета КБС, издательские проекты.

Информация об авторе: Светлана Владимировна Федотова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9991-4966>

E-mail: lucia-th@yandex.ru

Для цитирования: Федотова С.В. «Зевес Благовоитель» и «прирожденный gamin»: переписка С.А. Венгерова с К.И. Чуковским (1907–1914) // Литературный факт. 2025. № 2 (36). С. 55–91. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-55-91>

Трудно представить себе людей более противоположных, чем Семен Афанасьевич Венгеров (1855–1920) и Корней Иванович Чуковский (1882–1969), особенно на момент их личного знаком-

ства в 1905 г.¹ Первый — авторитетнейший историк литературы и общественного движения; один из самых ярких представителей отечественной культурно-исторической школы конца XIX — начала XX в.; составитель многотомных биобиблиографических словарей; редактор собраний сочинений Шекспира, Мольера, Шиллера, Байрона, Пушкина, Белинского; автор многочисленных монографий и т. д. Второй к моменту знакомства — никому не известный провинциальный фельетонист, газетчик; талантливый, остроумный, оригинальный до дерзости самоучка с незаконченным гимназическим образованием. Один — серьезный критик идейно-публицистической направленности, убежденный общественник; другой — начинающий критик-импрессионист, веселый полемист и парадоксалист, явный индивидуалист и тайный адепт «самоцельного искусства», балансирующий между модернистской и массовой литературой.

Публикуемая переписка между такими разными людьми охватывает период с 1907 по 1914 г. и включает в себя 17 писем Чуковского (в том числе две расписки) и 12 писем Венгерова. Часть писем, возможно, утеряна, но даже дошедший до нас состав представляет определенный историко-литературный интерес, особенно значимый для изучения раннего творчества Чуковского. Для исследователей неутомимой многогранной деятельности С.А. Венгерова переписка также может быть далеко не бесполезной. На фоне огромного эпистолярного наследия ученого и редактора она выглядит не самым значительным, но все же показательным эпизодом.

До сих пор из эпистолярного диалога был известен только один фрагмент из письма Венгерова от 13 декабря 1908 г., который процитирован (с небольшими неточностями) в статье Е.В. Ивановой «Неизвестный Чуковский»: «Значит, будете продолжать писать в прежнем стиле, что, ей богу, лучше вам дается, чем попытки сумрачной “серьезной” критики. Вы прирожденный гамен, и это очень ценно. Гамены — публика весьма заслуженная, несмотря на свою легковесность: они, как Вы сами знаете, исполняют очень серьезные функции в Париже: ничто так не убивает всякую пошлость, как персифлаж гаменов» [11, т. 6, с. 24]. Цитата подается здесь как редкий пример

¹ Ср. дневниковую запись Чуковского от 7 февраля 1905 г.: «Боже мой, скольких я литераторов знаю», далее приводится список из 15 фамилий. Замыкают его З.А. и С.А. Венгеровы [11, т. 11, с. 111]. С З.А. Венгеровой Чуковский познакомился раньше, отправив ей письмо из Лондона, где в качестве корреспондента «Одесских новостей» пребывал в 1903–1904 гг., начал переводить с английского, и осмелился предложить переводчице и автору статьи «Р. Броунинг и его поэзия» (Вестник Европы. 1893. Кн. 9) свои первые переводческие опыты из Браунинга. Ответ Венгеровой не сохранился, но, со слов самого Чуковского, известно, что она сообщила ему о том, что перевод пойдет в «Вестнике Европы» [11, т. 14, с. 62]. Публикация не состоялась.

исключительно доброжелательного мнения Венгерова по поводу дебютной книги Чуковского «От Чехова до наших дней. Литературные портреты. Характеристики» (1908), противоположного осуждающему отзыву З.Н. Гиппиус².

Введение в научный оборот полного корпуса писем позволяет уточнить ближайший контекст, да и сам текст пронизательного высказывания Венгерова. Теперь понятно, что он отвечает на письмо Чуковского от 12 декабря, где среди прочего говорится: «Читали, как в “Весех” похвалил меня Брюсов? Я сегодня целый день хожу именинник. Третье изд. я очень переделал — вышла превосходная книжка “От Чехова до наших дней”» (п. 6). Интересно, что откровенно высокая авторская самооценка преподносится только Венгерovu, во всех остальных случаях Чуковский сообщал о выходе книги с неизменными «улыбчивыми жалобами и скромными отмахиваниями», говоря словами Гиппиус (см. примеч. 3 к п. 6). Выясняется и еще один момент. Мнение Венгерова несомненно опосредовано рецензией Брюсова, как видно из пропущенных в первой публикации начальных фраз фрагмента: «Рецензию Брюсова читал и содержание оной одобрил. Весьма рад, что Вы соглашаетесь с Брюсовым» (п. 7). Так же осталось неотмеченным зачеркнутое слово, что несколько меняет смысл утверждения: «Вы прирожденный gamin, и это очень ценно [в литературе]». Из логики этой правки следует, что для Венгерова *парсифлаж* гамена, уличного сорванца, насмешника, в литературе все-таки неуместен или по крайней мере сомнителен. В таком ключе его отношение к фельетонной критике Чуковского становится менее однозначным. Складывается впечатление, что характеристика Венгерова была обобщенной и имела отношение не только к творчеству, но и к личности Чуковского в целом.

Переписка впервые дает возможность узнать о том, как менялись отношения между корреспондентами в период стремительного взлета популярности Чуковского-критика. Почерпнуть малочисленные сведения по этому вопросу до сих пор можно было в основном из дневника Чуковского и его писем другим лицам³. Теперь же

² 25 января 1908 г. Гиппиус писала автору: «Мне жаль, что среда вас балует, жаль, что ваша книга (дешевая книжка!) так расходится, жаль, что вы устроились и катитесь на этих салазках газетного успеха, — жаль именно потому, что вы очень талантливы и, при этом, кажется умны. Посмотрите, какой “тон” вас засасывает, какой он скверный, гаерский, иногда прямо хулиганский. <...> ведь этот ваш тон и “легкость пера” вам самому нравятся! Вот тут-то главная, да, может быть, и единая опасность! Нравятся, нравятся, чувю и вижу это сквозь ваши улыбчивые жалобы и скромные отмахиванья. Если вы этого в себе не видите, — ну что ж, значит я вижу больше вас. Но это есть. Ваша скромность — чуть-чуть “скромность великого человека”» [11, т. 6, с. 23]. Полный текст письма см.: [9, с. 55–57].

³ Так, например, о ранних попытках сотрудничества узнаем из записи от 9 апреля 1905 г.: «Перевозу Байрона для Венгерова» [11, т. 11, с. 114]; о более тесном общении с семейством Венгеровых после переезда Чуковского в Петербург осенью

выясняется, что именно Венгеров пригласил его вступить в Петербургское литературное общество и на первых порах содействовал выступлениям молодого критика перед широкой публикой. Здесь 2 января 1909 г. был прочитан доклад «Нат Пинкертон и современная литература», 25 сентября 1909 г. — лекция «Красный ли Цветок? (О Всеволоде Гаршине)», вызвавшая бурную полемику и возмущившая всех любителей Гаршина, в том числе самого Венгерова, снабдившего лектора материалами о писателе (п. 9).

Принципиальные расхождения во взглядах не помешали Венгерову пригласить дерзкого критика к участию в юбилейном сборнике Литературного фонда: «По поручению Комитета Фонда обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой дать что-нибудь для этого сборника. Комитет надеется, что Вы не откажетесь принять товарищеское участие в благом деле», — пишет он 19 ноября 1909 г. (п. 11). Однако, вопреки заверениям в том, что он польщен приглашением, Чуковский в благом деле товарищеского участия не принял.

Почему он не выполнил своего обещания, можно только гадать, но вряд ли можно сомневаться, что Венгерову как составителю и редактору сборника необязательность автора была не по душе. В равной, если не в большей степени ему не мог понравиться шумный скандал, спровоцированный Чуковским через несколько месяцев, который всколыхнул литературно-издательскую среду. В авторской рубрике «Литературные стружки» (Речь. 1910. 7 марта) критик опубликовал заметку, обвиняющую журнал «Современный мир» в обмане читательских ожиданий: ни одного произведения известных авторов из анонсированных в объявлениях о подписке на 1909 г., не было напечатано, заявил он. Разгорелся публичный конфликт между редактором «Современного мира» Н.И. Иорданским и издателем газеты «Речь» И.В. Гессеном, с взаимными обвинениями и вызовом на дуэль. В конце концов инцидент разрешился третейским судом, осудившим обе стороны. Венгеров же был одним из судей и авторов итогового заключения⁴. Показательно, что накануне этого разбирательства Чуковский в письме от 2 (15) апреля 1910 г. сообщал Брюсову: «Я же намерен зубами и когтями защищать свою — как говорится — честь. Судьи у меня либо впавшие в детство (Арсеньев,

1905 г. — из письма Е.А. Ляцкому от 18 июня 1906 г., где упоминаются «наши друзья Венгеровы-Слонимские» [11, т. 14, с. 95], а об отношении к старшим «друзьям» — из дневниковой заметки от того же числа, где речь идет о «слонимски-венгеровском тоне дешево насмешливого резонерства» [11, т. 11, с. 131].

⁴ Об этом инциденте см.: Арсеньев К., Анненский Н., Венгеров С. и др. Решение суда чести по делу «Современного мира» и «Речи» // Современный мир. 1910. № 5; а также: [11, т. 7, с. 13; т. 14, с. 219–220].

Анненский), либо пристрастные (Куз<ь>м<ин>-Караваев), либо глупые (С.А. Венгеров), либо и то, и другое, и третье (Градовский)» [11, т. 14, с. 218–219].

После этого случая Венгеров не отвечал на письма в течение полутора лет, или же его ответы не сохранились. Но скорее первое. Подтверждением тому является письмо Чуковского от 20 сентября (2 октября) 1910 г., где он *торопится ответить* на запрос Литературного общества о планируемых рефератах об Уолте Уитмене и Тарасе Шевченко. Точно такое же письмо, но без личных отступлений («Ничего сногшибательного — не бойтесь, — на этот раз не будет, — просто факты и (шопотом!) кое-какие личные соображения»), он накануне отправил другому члену Комитета, В.В. Водовозову, от которого, очевидно, и получил официальный запрос (см. примеч. 1 к п. 13). Ответ Венгерова неизвестен, а выступления по предложенным рефератам в Литературном обществе так и не состоялись. Взаимосвязь между этими двумя «минус-событиями» бросается в глаза.

По письму от 26 февраля (11 марта) 1911 г., также оставшемуся безответным, видно, что Чуковский изо всех сил старается «“оправдаться” за свой “негероический период”»: «Свершилось: Чуковский написал статью *идейную*, и теперь уже может войти в Ваш синодик героев», — торжественно извещает он о своей статье о Шевченко. Цель этого послания, впрочем, вполне прагматическая — с помощью Венгерова получить приглашение выступить в Литературном фонде (п. 15). Судя по тому, что уже через два месяца Чуковский ведет речь об основательной подготовке к статье о Брюсове (п. 16), Венгеров оттаял и рискнул предложить ему написать литературный портрет для первого тома издания «Русская литература XX века. 1890–1910». Этот интересный факт выявляется только из переписки. Не зная о ее содержании, невозможно было бы представить, что у Чуковского был шанс стать автором статьи о Брюсове в одном из самых уникальных издательских проектов Венгерова.

Вместе с тем ответ Венгерова от 21 мая 1911 г. демонстрирует, что он сильно сомневался в обязательности Чуковского. «Ежели без обмана Вы действительно дадите литературный портрет Брюсова к 1 декабря — то я подожду», — пишет он и в конце письма еще раз пытается обезопасить себя: «Во вторник еду в Москву и скажу Брюсову, что Вы взялись, а Вы, все-таки, до вторника доставьте мне письменную клятву, что не надуете» (п. 7). Был ли осуществлен такой радикальный способ договоренности, трудно сказать, но в любом случае опасения опытного редактора подтвердились сполна.

Кульминация переписки приходится на 1912 г., и связана она с безуспешными попытками Венгерова заполучить от Чуковского обещанный (и авансированный) материал для первого тома. Не дождавшись к указанному сроку статьи о Брюсове, в письме от 12 января 1912 г. он идет на тактическую уступку, предлагая заменить Брюсова на Гиппиус, надеясь, надо думать, что с этой задачей Чуковский справится легко. За полгода до этого был опубликован его фельетон «“Чертова кукла”: Роман З.Н. Гиппиус» (Речь. 1911. № 145, 29 мая), большая часть которого, вопреки названию, посвящена поэзии Гиппиус; собственно роману уделено не так много места (две последние главки из пяти). Венгеров определенно полагал, что Чуковский быстро доработает готовый текст, расширит часть о прозе, изменит стилистику, снимет личные обращения (фельетон написан в жанре открытого письма) — и поспеет к крайним срокам, не нарушив своих обязательств. Но все сразу пошло не так.

В течение следующих семи месяцев Венгеров просит, умоляет, требует известить его о состоянии дел со статьей. Пишет письма, звонит по телефону, но все напрасно: или Чуковский болен, или он в долгосрочном турне по России с лекциями об О. Уайльде. За все это время Чуковский ответил дважды — 22 февраля и 2 июня. Первое письмо — из санатория Гранкулла, где он лечился он нервного переутомления. «...моя статья о Гиппиус, которую не могу закончить из-за непрерывной головной боли, служит явным доказательством моей невменяемости», — сообщил он. Второе отправлено уже из Куоккалы в ответ на скандирующее письмо Венгерова от 30 мая 1912 г: «Гиппиус! Гиппиус! Гиппиус!». «Пишу, пишу, пишу! — почти передразнивает Чуковский. — Но больше лежу в постели — болел», и тем не менее уверенно заверяет: «О Гиппиус почти готово».

Через два месяца бесплодного ожидания Венгеров предпринимает последнюю попытку добиться *прямого* ответа, но уже, как кажется, хорошо понимает суть происходящего, о чем говорит приписка: «Меня кто-то по телефону мистифицирует от Вашего имени: то говорит “под еврея”, то “под немца”. Неужели это Вы?» (п. 25).

На этот раз Чуковскийотреагировал мгновенно, со всей искренностью, но и со всем своим риторическим мастерством. Он и признает свою вину («Конечно, я сволочь»), и приводит фантастические «смягчающие вину обстоятельства», и дает ложные заверения («Гиппиус у меня почти готова — осталось написать о Чортовой Кукле»), и вызывает к милости и всепрощению («Разрешите я приеду к Вам на неделе — и мы поговорим из уст в уста»), и выносит себе

убийственный приговор («Я должно быть брошу литературу — ибо к 30 годам стал литературным импотентом»).

Нельзя не признать, что во всей этой истории Чуковский выглядит, мягко говоря, двойственно. Даже принимая во внимание, что он действительно болел и переживал творческий кризис⁵, что он, имея большую семью, всегда был озабочен поиском средств для ее содержания, все же очевидно, что Венгерову он морочил голову. В архиве Чуковского отложился фрагмент черновика статьи о Гиппиус и начало машинописи⁶. Архивисты предположительно датируют этот материал 1914 г., соотнеся его со статьей «З.Н. Гиппиус» из сборника «Лица и маски», вышедшего в том же году в издательстве «Шиповник». Однако книга была готова к печати на два года раньше⁷. Сопоставление этой статьи с газетным фельетоном «Чортова кукла» (1911) показывает, что автор внес лишь небольшую правку, но в целом это один и тот же текст⁸.

Последнее, прохладно-официальное письмо Венгерова (п. 27) говорит о том, что личная встреча — *Каносса Чуковского* — произошла, и, судя по двум запискам, завершающим переписку, разговор был тяжелый, но все же примирительный. Чуковский был великодушно прощен. Правда, больше никаких профессиональных отношений между нашими героями не было.

В огромной коллекции автобиографий, собранных С.А. Венгеровым для Критико-биографического словаря (КБС), сохранились частично заполненная Чуковским анкета малого формата, а также совершенно чистый бланк письма с реквизитами КБС, предназначенный для развернутой автобиографии или библиографии; на обоих документах рукой Венгерова помечено: «Чуковский»⁹. Можно предположить, что заполнение анкеты произошло в день покаянной беседы, которая состоялась в течение двух ближайших недель после 6 сентября 1912 г., как следует из венгеровского письма (п. 27). Имеет смысл привести этот весьма примечательный документ:

⁵ Из дневника Чуковского видно, что он до старости страдал от собственной «литимпотенции»; см., напр. запись от 16 марта 1958 г. [11, т. 13, с. 255].

⁶ НИОР РГБ. Ф. 620. К. 15. Ед. хр. 6.

⁷ Об этом Чуковский сообщал в письме А.В. Руманову от 7 ноября 1912 г.: «Недавно я подготовил для “Шиповника” новую книгу <...>» [11, т. 14, с. 300].

⁸ В комментарии к статье о Гиппиус сказано: «Как следует из писем С.А. Венгерова к Чуковскому, весной-летом 1912 года Чуковский работал над еще одной статьей о Гиппиус, но следов этого замысла не сохранилось (ОР РГБ. Ф. 652. К. 62. Ед. хр. 19)» [11, т. 7, с. 667]. Теперь можно уточнить время работы — с января по август 1912 г. и модальность — не работал, а *должен был* работать. Отметим также, что архивный шифр указан неверно.

⁹ РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 3848.

Фамилия	<i>Корнейчуков</i>
Имя	<i>Николай</i>
Отчество	<i>Васильевич</i>
Род деятельности	<i>рецензент</i>
Когда родился	<i>1883 г. 19 марта</i>
Где	<i>в Петербурге</i>
В какой семье	<i>крестьянской</i>
Вероисповедание или национал.	<i>православный</i>
Где получил сред. образ.	
“ ” высшее	
Ученое или служебное зван.	
Где умер	—
Когда	—

При всей скудности этих биографических данных, можно догадаться, что дались они Чуковскому непросто. Он всегда старательно избегал точной информации о своем рождении, происхождении и образовании, полностью изменил фамилию, имя, отчество¹⁰. Приведенные подлинные сведения свидетельствуют о глубоком отчаянии и самоуничтожении, в котором Чуковский явился на встречу с Венгеровым, о его желании доказать, что отныне он будет говорить правду и только правду. Легко вообразить, как младший плакался и бил себя в грудь, а старший наставлял его на честный путь служения высокой литературе, уверял в том, что у него все еще впереди, какие его годы: *вот, заполните, кстати, анкету*. Эта гипотетическая картина, которую мы позволили себя набросать, дает, как видится, единственное объяснение тому факту, что в графе «Род деятельности» Чуковский указал «рецензент» — не литературный критик, не писатель, не переводчик и даже не фельетонист, а всего лишь рецензент. В этой самоаттестации, утрированно подчеркивающей незначительность и случайность всех литературно-критических опытов автора, аффектированно звучит интонация почти юродствующего самоуменьения.

¹⁰ Ср. отчаянную запись в дневнике от 3 февраля 1925 г.: «Я, как незаконнорожденный, не имеющий даже национальности (кто я? еврей? русский? украинец?) — был самым нецельным, непростым человеком на земле. Главное: я мучительно стыдился в те годы сказать, что я “незаконный”. <...> Помню страшные пытки того времени: — Какое же ваше звание? — Я крестьянин. — Ваши документы? А в документах страшные слова: сын крестьянки, девицы такой-то. Я этих документов до того боялся, что сам никогда их не читал. Страшно было увидеть глазами эти слова. <...> Эта тогдашняя ложь, эта путаница — и есть источник всех моих фальшей и лжей дальнейшего периода. <...> Помню, как клоуны я просил всех даже при первом знакомстве — уже усатый — “зовите меня просто Колей”, “а я Коля” и т. д. Это казалось шутовством, но это была боль. И отсюда завелась привычка мешать боль, шутовство и ложь — никогда не показывать людям себя — отсюда, отсюда пошло все остальное. Это я понял только теперь» [11, т. 12, с. 209–210].

Составители указателя коллекции автобиографических материалов Венгерова в аннотации анкеты Чуковского резонно изменили род деятельности респондента: «писатель, литературовед, переводчик», и датировали анкету: «(не ранее 1910)» [7, т. 2, с. 564]. В контексте рассмотренного эпистолярного сюжета можно уточнить дату заполнения опросного листа КБС — это сентябрь 1912 г. Отметим еще один момент, не исправленный в аннотации. Год рождения Чуковский указал неверно: вместо 1882 — 1883. Даже если это описка, она весьма показательна.

В октябре 1920 г. Чуковский сделал ретроспективную запись в дневнике: «Когда я только что “возник” в Петербурге, я был очень молод. Моя молодость скоро всем надоела. “Чуковский скоро празднует 25-летие своего 17-летия”, — говорил Куприн» [11, т. 11, с. 301]. Действительно, в 1900-е годы о Чуковском непрестанно говорили как о *молодом таланте, enfant terrible русской литературы, невзрослом критике*. Да ведь и сам Венгеров распознал в нем *прирожденного gamin'a*, насмешливо-язвительного, легкомысленного уличного подростка, возмутителя общественного спокойствия. В этом смысле преуменьшение возраста в анкете КБС поддерживает репутацию молодого таланта, подающего большие надежды, которому многое прощается. Если наше предположение верно, то на фоне суровой правды других анкетных данных в невинной вроде бы уловке проглядывает известная *очей притворчивых лукавость*, свойственная Чуковскому, которая отбрасывает тень на его покаянную исповедь Венгерова *из уст в уста*.

В заключение обратимся к годовому обзору Чуковского «Русская литература в 1911 году», опубликованному во второй половине января 1912 г.¹¹. Среди новинок прошедшего года он упоминает первый том Собрания сочинений С.А. Венгерова, куда вошли три очерка («Основные черты истории новейшей литературы», «Победители или побежденные? (о модернизме)» и «Героический характер русской литературы»):

«Собрание сочинений» С.А. Венгерова — *хорошее* приобретение русской словесности. На критическом нашем Олимпе г. С.А. Венгеров несомненный и признанный Зевес — *Зевес БлаговолиТЕЛЬ*, — и есть у него этакое олимпийское восприятие, всепонимание.

¹¹ Ежегодник газеты «Речь» на 1912 год. Пб., 1912. С. 430–449. Ср. оценку несколько задержавшегося по времени первого издания «Ежегодника» в февральском письме Чуковского жене из санатория: «Ежегодник “Речи” мне не нравится: какой-то вчерашний календарь» [11, т. 14, с. 284].

Трогательно было наблюдать, как он даже Сологуба и Гиппиус *прिया*л в свое широкое лоно — и даже в них с *умилением* увидел старозаветных героев, бойцов и подвижников» [11, т. 7, с. 558–559].

Выделенные нами курсивом выражения — маркеры амбивалентного стиля ироничной похвалы, типичного для Чуковского-критика. Как правило, подобная двусмысленная характеристика стягивалась к центральному, парадоксально-афористическому определению, которое воспринималось современниками как остроумная этикетка, навечно приклеенная к писателям. Когда-то Венгеров, вслед за Брюсовым, отметил этот специфический прием как достоинство *блестящих карикатур* Чуковского, *прирожденного gamin'a* (п. 7). Теперь же он сам получил наклейку — *Зевес Благовоитель*, — соединяющую в себе противоположные качества и атрибуты — грозность античного бога-громовержца и всеблагую милость христианского. На первый взгляд, Чуковский иронизирует по поводу магистральной идеи Венгерова о религиозном характере русской литературы, о той «религии добра», которую, по Венгерову, самоотверженно исповедовали все писатели XIX в., в том числе воинствующие атеисты. Согласно Венгерову, новые религиозные искания модернистов, пришедшие на смену декадентству, возвращают литературу в лоно «религии добра» и тем самым продолжают аскетические и героические традиции отечественной словесности, синтезируя новые художественные формы и старое идейно-нравственное содержание. Но это только верхний слой отзыва Чуковского, демонстрирующий его несогласие с венгеровской концепцией в целом. Нижний — в деталях, в замечании о наивной попытке Венгерова *прिया*ть в свое широкое лоно Сологуба и Гиппиус. Дело в том, что в рецензируемом томе Собрания сочинений имеются развернутые характеристики всех ведущих модернистов, кроме Зинаиды Гиппиус. Ее имя упоминается редко и почти всегда в связке с идеями Мережковского. Описания же ее индивидуальной творческой эволюции Венгеров не дал. В этом плане *трогательно наблюдать* рецензенту, строго говоря, было не за чем — в силу отсутствия объекта наблюдения.

Время написания годового обзора хронологически совпадает с заменой статьи Чуковского о Брюсове на статью о Гиппиус. Это наложение подталкивает к мысли о том, что Гиппиус в сознании уже тогда болевшего Чуковского могла всплыть по ассоциации — как узелок в памяти, тот «должок», тот *звезд*ь в сапоге, о котором мы узнаем из публикуемой переписки. Пассаж из годового отчета в этом случае

приобретает дополнительные значения. Самое прозрачное из них сконцентрировано в оксюморонной «этикетке», намекающей на то, что Чуковского беспокоили обязательства перед Венгеровым-*Зевесом*, но в глубине души он надеялся на Венгерова-*Благовоителя*.

Письма С.А. Венгерова хранятся в НИОР РГБ (Ф. 620. К. 62. Ед. хр. 19), К.И. Чуковского — в РО ИРЛИ (Ф. 377. Оп. 4. Ед. хр. 2436). Письма Чуковского, как правило, недатированные, содержат пометы рукой Венгерова с четырехзначными числами, которые, вероятно, обозначают входящие номера корреспонденции, однако они не всегда соответствуют точной датировке или последовательности писем. Мы отмечаем эти пометы, но выстраиваем комплекс писем в соответствии с несомненной датировкой, а при ее отсутствии — с логикой эпистолярного сюжета.

Приношу глубокую благодарность Т.В. Игошевой и Е.Р. Обатниной за помощь в подготовке публикации.

1. Чуковский — Венгерову *Апрель 1907. Санкт-Петербург*

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

Видел объявление про Вашу новую книгу о литературе¹. Молю Вас: дайте мне ее. Я был бы счастлив, если бы Вы, напр., простерли свою доброту и оставили ее *здесь** для меня у прислуги. И еще: вышли какие-то «Светочи»². Оставьте и их.

Преданный вам

Чуковский.

* На Разъезжей 39³.

Записка. Датируется предположительно.

Помета Венгерова карандашом: «Чуковский; 12033».

¹ Вероятно, речь идет о кн.: *Венгеров С.А. Очерки по истории русской литературы*. СПб.: Общественная польза, 1907. Ср. письмо В. Брюсова к Венгерову от апреля 1907 г. с благодарностью за присланные «Очерки», а также наброски его рецензии на новое издание [3, с. 681, 685]. Чуковский обыгрывает цитату из книги Венгерова в фельетоне «Чудо» (Свободные мысли. 1907. 26 авг. (7 сент.), см.: [11, т. 7, с. 540, 542]) и упоминает в отчете «Русская литература [в 1907 году]» [11, т. 7, с. 556].

² Имеются в виду книги, выходящие в «Библиотеке “Светоча” под ред. С.А. Венгерова» (СПб., 1906–1909) и распределенные по сериям: «Избранные произведения политической литературы», «Материалы для истории русского общественного движения», «Вожди русского сознания», «История религий», «История и теория литературы», «Произведения русских писателей, не вошедшие в собрания их сочинений», «Летопись текущих событий».

³ По указанному адресу Венгеров проживал до середины 1909 г.

2. Венгеров — Чуковскому

20 октября 1907. Санкт-Петербург

Многоуважаемый Корней Иванович.

Был у меня некий Беловоленко¹. Вскользь он говорил, что Вы его знаете. Лично Беловоленко произвел неприятное впечатление, но оставленные им стихи местами очень недурны и говорят о настоящем таланте².

Я, однако, почти убежден, что это не его стихи, а списаны у кого-то из хороших модернистов. Что Вы знаете о Беловоленко?

Хотите, чтобы я Вас записал в новое литературное общество?³ Кстати, Вы бы и реферат прочитали.

Ваш С. Венгеров.

На печатном бланке:

Семен Афанасьевич ВЕНГЕРОВ.

Разъезжая № 39. Телефон 52–84.

С.-Петербург, 20 октября 1907 г. (дата вписана).

¹ Очевидно, речь идет о молодом новороссийском поэте и журналисте Аркадии Григорьевиче Беловоленко, о котором сохранилось мало сведений. Известно, что он сотрудничал в «Черноморской газете» и газете «Отклики Кавказа»; публиковался в петербургском литературно-художественном журнале «Пробуждение» (1907–1908), в том числе под псевдонимами Аполлон Маркохтский, Жан Горесмехов; позднее — в «Черноморском альманахе» (1914–1916) (см.: Литература Новороссийска: А–Я / гл. ред. В.Б. Пахомов. Новороссийск: Одиссей, 2018. С. 14; Герасименко А.Б., Санеев С.А. Новороссийск — от укрепления к губернскому городу. Краснодар: Эдви, 1998. С. 438–439; Литература Новороссийска / под ред. В.Б. Пахомова. 4-е изд., испр. и доп. Новороссийск: Одиссей, 2017. С. 5, 35–36).

² В архиве Венгерова отложилась подборка стихотворений Беловоленко («Думы дня», «В тереме», «Тае, теряясь в дали...», «Он будет жить, он вновь вернется к жизни...», «Видали ль вы весной сияющей...», «Прошел крикливый день...») (ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 6. Ед. хр. 36). На л. 1 помета Венгерова: «Аркадий Григорьевич Беловоленко (подававший надежды юноша; не знаю, напечатаны ли его стихи)»; на л. 2, перед стихами, помимо ФИО поэта, указан также его адрес: «В.О. 5 линия, д. 56, кв. 21».

³ Петербургское литературное общество существовало в 1907–1911 гг.; устав Общества был утвержден 28 февраля 1907 г.; подробнее см.: [12, с. 192–195].

3. Чуковский — Венгерову

Конец октября 1907. Санкт-Петербург

Многоуважаемый Семен Афанасьевич.

Беловоленко произвел на меня самое отталкивающее впечатление. У него страсть прилипать к выдающимся занятым людям и мешать им работать. Он с легким сердцем «посещает» о. Петрова¹, Миролюбова², Баранцевича³, Немировича-Данченку⁴, Вас, Короленку⁵ — и всюду он унижается и льстит так, что за него совестно⁶.

Весною я получил запрос, подобный Вашему, от К.С. Станиславского⁷. И, признаюсь, дал отзыв точно такой же, как сейчас. Тем не менее К.С. был так великодушен и назначил этому молодому человеку пенсию, очень значительную. И при этом поставил ему условие (на котором я настаивал), чтобы Беловоленко до поры до времени стихов не писал, не печатался, а занимался бы и готовился в университет.

Оказывается, он не прекратил своих «посещений». У меня есть другой знакомый поэт⁸, простой мужик, который к Короленке не полезет, а уже второй год ищет места — 10 рублей в месяц — и не может найти, и я никак не могу ему помочь. А он поэт истинный, и человек хороший. И мне всегда становится стыдно перед ним, когда я вижу Беловоленко. И я прошу Вас, Семен Афанасьевич, если Вы хотите помочь Беловоленко, лучше помогите моему мужику, хотя этот модернистских стихов не пишет. Он сейчас в деревне, голодает с семьей.

За приглашение в общество — спасибо. Если есть хоть какая-нибудь возможность — запишите.

Ваш Чуковский.

Датируется по содержанию.

Сверху помета Венгерова: «Чуковский».

¹ Григорий Спиридонович Петров (1868–1925), священник (сложил с себя сан в 1908 г.), писатель, публицист, общественной деятель, один из ранних представителей модернизма (обновленчества) в Русской Православной Церкви, проповедник «христианского социализма». Ср. его более позднюю характеристику в дневнике Чуковского за 1911 г.: «Сегодня приедет ко мне Григорий Петров. Он был очень мил с нами, когда мы с Машей 3 дня назад отправились в Выборг. Мы покупали мебель, он — по всем мебельным магазинам, даже в тюрьму, где изделия арестантов, к немому финну — за телятиной, нес телятину за нами и т. д. Он немного пресен, банален, но он по-настоящему, совсем не банально добр — без малейшей лапидарности, — и к тому же без поэмы. Он мне предложил, малоизвестному, 200 р., я взял у него 100 — и никаких изъявлений благодарности» [11, т. 11, с. 166].

² Виктор Сергеевич Миролубов (1860–1939) — редактор-издатель «Журнала для всех». Чуковский был знаком с ним с весны 1905 г., которую провел в Петербурге, сотрудничая в «Театральной России»; см. упоминание его имени в дневнике от 3 апреля того же года.

³ Казимир Станиславович Баранцевич (1851–1927) — беллетрист. В статье Чуковского «Воззвание о литературном обществе» (Свобода и жизнь. 1906. 5 (18) нояб.) имя Баранцевича язвительно обыгрывалось как «символ» второстепенного писателя [11, т. 6, с. 412–415]. Возможно, это было ответной реакцией на критическую статью Баранцевича «Литература и революция» (Биржевые ведомости. 1-е изд. 1906. 27 окт. Утр. вып.) по поводу публикации Чуковского «Анкета», которая была напечатана под рубрикой «Революция и литература» (Свобода и жизнь. 1906. 22 окт. (4 нояб.)). Ср. из письма Чуковского Е.А. Ляцкому, написанного после 17 (30) декабря 1906 г.: «С анкетой вышло глупо: меня сочли сторонником чистого искусства. “Новое Время” меня похвалило. Баранцевич меня выругал в “Биржевых Ведомостях”» [11, т. 14, с. 111]. Публичная полемика продолжалась и дальше; ср. заметку Ф. Сологуба «К приятной переписке г. Баранцевича с г. Чуковским» (Русь. 1907. 7 янв.).

⁴ Василий Иванович Немирович-Данченко (1845–1936) — поэт, прозаик, журналист.

⁵ Владимир Галактионович Короленко (1853–1921) — писатель, журналист, редактор, общественный деятель. Личное знакомство произошло позднее, в 1910 г.; ср. запись в дневнике Чуковского, датированную «Июнь который-то. Должно быть, 20-й»: «Я познакомился с Короленкой: очарование» [11, т. 11, с. 161].

⁶ Эта характеристика отчасти подтверждается письмами А.Г. Беловоленко к книгоиздателю Михаилу Васильевичу Аверьянову (1867–1941) за 1908 г. Так, например, в письме от 20 апреля 1908 г. из Кутаиси он пишет среди прочего следующее (сохраняем правописание автора): «Вот я сейчас подвожу итог всей своей недолгой жизни в Петербурге. Проклинать, или благодарить судьбу? Правда, было много потрачено здоровья, энергии, но зато в результате польза получилась громадная. Где, как не у берегов Невы я значительно расширил свой умственный кругозор, почувствовал мощь пера; где как не здесь, в сердце литературного мира я жил общими интересами с сильными мира сего; понимал их скорбь, понимал их радость. Разве за все это не стоит благодарить судьбу. Вернее не судьбу, а всех, кто так, или иначе способствовал моему жадному стремлению к жизни и свету. И больше других делали для меня Вы. Один вечер проведенный у Вас, делал меня значительно старше в моем умственном убожестве. Это значит помощь духовная; а материальная? Мне прямо таки больно при мысли, что я и по сие время являюсь перед вами неоплатным должником. Но Ваше великодушие я полагаю параллельно доверию, не лишенным которого желал бы я чувствовать и себя» (ИРЛИ. Ф. 428. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1 об.–2).

⁷ Чуковский познакомился со Станиславским весной 1905 г., когда был сотрудником петербургского журнала «Театральная Россия»; см. недатированное письмо к жене: «Только что на “Вишневом саде” О. Чюмина познакомила меня с Станиславским, и у меня с ним вечером назначено свидание. <...> С Станиславским я буду говорить для “Теат<ра>льной России”. <...> Знаешь, робею я, идучи к Станиславскому. Если бы ты хоть на минуту его повидала, ты поняла бы меня. На меня искусство так действует, что я у художника руки готов целовать» [11, т. 14, с. 68]. В том же послании, которое писалось в несколько приемов, сказано: «Вчера к Станиславскому не ходил, пойду сегодня» [11, т. 14, с. 69]. Встреча, очевидно, все-таки произошла, что подтверждается статьей «Станиславский и свобода творчества (из бесед с К.С. Станиславским)», подписанной псевдонимом *Nobody* (Театральная Россия. 1905. № 18). Позднее материал был перепечатан в газете «Сегодня» (1907. 4 мая) под названием «Драма жизни: беседа с К.С. Станиславским», где цитируется и письмо режиссера. В архиве Чуковского письма Станиславского не сохранились.

⁸ Лицо не идентифицировано.

4. Чуковский — Венгерову Конец ноября 1908. Куоккала

Многоуважаемый Семен Афанасьевич.

В СПб. я читал два раза «Нат Пинкертон и современная литература»¹, и оба раза слушали меня гостиннодворские приказчики. Литераторам и вообще «интеллигенции» эта вещь неизвестна². Поэтому я и решаюсь предложить ее Литературному Обществу для одной из ближайших пятниц. Я слышал, что 12ое и 19ое число у Вас заняты. Тогда, может быть, Вы предоставите мне 26ое или 2ое января? Эта вещь еще не скоро появится в печати.

Вам преданный Чуковский.
Куоккала, д. Анненкова.

Помета Венгерова: «Чуковский; 12040».

¹ Впервые лекцию «Нат Пинкертон и современная литература» Чуковский прочитал в Петербурге в Соляном городке 7 октября 1908 г. 15 октября он повторил ее в московском Литературно-художественном кружке. Лекция вызвала большой интерес; см. отклики: [1, с. 325–326].

² Это не совсем точно. На первой лекции Чуковского присутствовал В.В. Розанов, в результате чего появилась его статья «К.И. Чуковский о русской жизни и литературе» (Журнал Театра Литературно-художественного общества. 1908–1909. Вторая половина сезона. № 8. Апрель 1909. С. 9–12).

5. Венгеров — Чуковскому

10 декабря 1908. Санкт-Петербург

Многоуважаемый Корней Иванович.

С отменнейшим удовольствием воспользуемся Вашим любезным предложением, но вот вопрос — когда?¹

12 декабря назначен реферат Блока², а на 19 пойдет реферат Градовского³, весьма мало любопытный, но отложить который нет никакой возможности. А на 26 предполагается музыкальный вечер, относительно которого предприняты разные подготовительные шаги. Однако, если Вы ничего не имеете против того, чтобы реферат Ваш состоялся 26 (*NB* второй день праздника!)⁴, то постараемся перенести музыку на другой день. Если же это не удастся, то позвольте рассчитывать, что Вы будете читать в пятницу 2 января.

Ваш С. Венгеров.

Что же Ваши книги?⁵ Захватите с собой в день реферата.

На печатном бланке Венгерова (дата вписана).

¹ Судя по всему, Венгеров отвечает, имея в виду письмо Чуковского к Николаю Федоровичу Анненскому (1843–1912), публицисту, экономисту-статистику, общественному деятелю, казначею Литературного общества. Письмо, сохранившееся в фонде Венгерова, было получено адресатом 9 декабря 1908 г. (по штемпелю): «Многоуважаемый Ник<олай> Фед<орович>. В эту пятницу или в будущую я могу — если Вам угодно — прочитать реферат в Вашем О-ве на все ту же тему “Нат Пинкертон” etc. Мне хотелось бы послушать прения; и, кроме того, хотя этот реферат читан был дважды, но не литераторы, ни их жены его еще не слышали. Слушали все больше студенты и гостиннодворцы. Преданный Вам Чуковский» (ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 6. Ед. хр. 298).

² Венгеров пригласил Блока в письме от 23 ноября 1908 г.: «...не прочтете ли у нас в Литературном обществе тот реферат, с которым вышла история в Религиозно-Философском обществе. К нам полиция пока не придирается и было бы очень интересно, если <бы> несостоявшиеся в Религиозно-Философском обществе прения состоялись бы у нас» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 186. Л. 7–8). Речь идет о докладе Блока «Россия и интеллигенция», прочитанном в РФО 13 ноября на первом заседании в сезоне 1908/09 г.; прения были запрещены приставам (состоялись на закрытом заседании, 25 ноября). В письме Венгерову от 24 ноября Блок писал: «По поводу доклада моего “Россия и интеллигенция” завтра в религиозно-философском собрании будут прения. Тем не менее <...> повторю с великой готовностью доклад

у Вас в Литературном обществе 12 декабря» [2, с. 263]. «Реферат» был с большим успехом повторен в намеченную дату под названием «Обожествление народа в литературе», предложенным Венгеровым, о чем 14 декабря Блок сообщал матери: «Оживление было необычайное. Всего милее были мне: речь Короленко, огненная ругань Столпнера, защита Мережковского, и очаровательное отношение ко мне стариков из “Русск. Богатства” (Н.Ф. Анненского, Г.К. Градовского, Венгерова и пр.). Они кормили меня конфетами, аплодировали и относились, как к любимому внуку, с какою-то кристальной чистотой, доверием и любезностью. Зал был полный. Венгеров говорит, что на заседании литературного общества никогда не было такого напряжения» [2, с. 268–269]. Более детальное описание прений по докладу в Литературном обществе см. в письме Л.Д. Блок А.А. Кублицкой-Пиотух, отправленном тем же днем [4, с. 341–342]. Впервые текст Блока опубликован под названием «Россия и интеллигенция» (Золотое руно. 1909. № 1. С. 78–85); позднее — под названием «Народ и интеллигенция» (Знамя труда. 1918. 19 февр.); вошел в цикл «Россия и интеллигенция. 1908–1918» (Пг.: Алконост, 1919).

³ Григорий Константинович Градовский (1842–1915), публицист, юрисконсульт Министерства юстиции; общественный деятель; сотрудничал во многих периодических изданиях (псевд. Гамма); принимал активное участие в работе Кассы взаимопомощи русских литераторов и ученых при Литфонде; см. о нем: [7, т. 1, с. 324–325].

⁴ Рождество Христово, 25 декабря по ст. ст.

⁵ В 1908 г. вышли в свет книги Чуковского «От Чехова до наших дней», «Нат Пинкертон и современная литература», «Леонид Андреев большой и маленький».

6. Чуковский — Венгеров

13 (26) декабря 1908. Куоккала

Многоуважаемый Семен Аф.

Книги захвачу. Спасибо за письмо! 26^{то} я не могу читать: Чюмина именинница¹. Пускай 2^{то} — можно? Читали, как в «Весех» похвалил меня Брюсов?² Я сегодня целый день хожу именинник. Третье изд. я очень переделал — вышла превосходная книжка «От Чехова до наших дней»³. Привезу ее непременно. Привет Лернеру⁴.

Ваш Чуковский.

Открытое письмо: Петербург, Разъезжая ул. д. 39. С. Аф. Венгерову.

Штемпели: Куоккала, смазан; С. Петербург: 13–12–08.

На адресной стороне рукой пометы карандашом: «Чуковский<ий>; 12042».

¹ Ольга Николаевна Чюмина, писательница, переводчица, родилась 26 декабря 1864 г. Чуковский с ней дружил, начиная со времен издания сатирического журнала «Сигнал» (1905); ср. его необыкновенно теплую статью, написанную на смерть Чюминой (26 августа (8 сентября) 1909 г.) [11, т. 7, с. 445–450].

² Хвалебная рецензия Брюсова на 3-е изд. «От Чехова до наших дней. Литературные портреты. Характеристики» (СПб.: Тов-во М.О. Вольфа, 1908) вышла за подписью «Аврелий» (Весы. 1908. № 11. С. 59–60). В письме Брюсову от 15 (28) декабря 1908 г. Чуковский писал: «Уже третий день я хожу, как именинник: обо мне написал Валерий Брюсов! Право, если б Вы меня выбрали, я и то гордился бы очень, и я знаю многих, кроме себя, которые тоже гордились бы всю свою жизнь, упомяни

Вы их имя где-н<и>б<удь> между строк. Я никогда не понимал и не пойму Вашей ко мне благосклонности, но да будет она и впредь!» [11, т. 14, с. 170].

³ 1-е издание дебютной книги Чуковского «От Чехова до наших дней» (СПб: Т-во «Издательское бюро», 1908) вышло в свет в конце декабря 1907 г. Известны самокритичные, но не без гордости авторские самооценки сборника. В письме В.Я. Брюсову от 8 (21) января Чуковский утврждал: «Это выкидыш какой-то, а не книжка, но иное в ней люблю: о Мережковском, о Зайцеве, об Арцыбашеве. Вами она полна так, что стыдно даже» [11, т. 14, с. 150]. Тем же днем он писал А.Г. Горнфельду: «Моя книжка “От Чехова etc.” разошлась. Две тысячи в две недели. Затеваю второе издание. <...> Ради Бога, Аркадий Георгиевич, черкните мне о ней, не обинуясь, деловитое письмо: то исправить, то выкинуть, там прибавить. Не сердитесь, что прошу об этом, — больше некого; другие мнения знаю наперед» [11, т. 14, с. 148–149]. Аналогичное признание содержится в письме М.О. Гершензону: «Про мою книжку лучше и не говорите. Я ее терпеть не могу. К тому же она уже вся разошлась, а я во втором издании постараюсь заглядеть ее дурацкие промахи: дикий план, игру цитатами и пр.» [11, т. 14, с. 154]. Тираж 2-го изд. разошелся к концу апреля 1908 г., а 3-е, проданное «Вольфу за 700 р.», появилось в начале ноября того же года, см. письмо к тому же корреспонденту от 29 апреля (12 мая) и коммент. к нему [11, т. 14, с. 162–163]. В архиве Брюсова сохранилось два издания (1-е и 3-е) с дарственными надписями: «Валерию Яковлевичу Брюсову / гордый его сочувствием / Чуковский / Куоккала, январь»; «Глубокоуважаемому и дорогому Валерию Яковлевичу Брюсову от Чуковского» (РГБ. Ф. 386. Книги. 1447; 1448).

⁴ Николай Осипович Лернер (1877–1934) — историк литературы, пушкинист.

7. Венгеров — Чуковскому

13 декабря 1908. Санкт-Петербург

Многоуважаемый Корней Иванович.

Опять корреспонденция по поводу реферата Вашего! Имеете ли Вы что-нибудь против того, чтобы Ваш реферат был назначен на 9 января? Дело в том, что есть реферат, заявленный месяц тому назад Акимовым-Махновцом о «Синей птице». Мы думаем убедить его перенести реферат на то время, когда приедут москвичи, но он упирается¹. Кто-то говорил вчера мне, Ваш Пинкертон должен появиться в самом начале января в сборнике Кугеля². Если это так, прошу сообщить мне. Тогда мы уже наверное назначим Ваш реферат на 22 января³.

Рецензию Брюсова читал и содержание оной одобрил⁴. Весьма рад, что Вы соглашаетесь с Брюсовым. Значит, будете продолжать в прежнем штиле, что, ей богу, лучше Вам удастся, чем попытки сумрачной «серьезной» критики. Вы прирожденный gamin⁵, и это очень ценно [в литературе]. Гамены — публика весьма заслуженная, несмотря на свою легковесность; они, как Вы сами знаете, исполняют очень серьезные функции в Париже: ничто так решительно не убивает всякую пошлость, как персифлаж⁶ гаменов. Каменский, я думаю, действительно, на всю жизнь будет ходить в приклеенной Вами этикеткой⁷.

Посылаю Вам в кредит брошюру свою⁸.

Ваш С. Венгеров.

На печатном бланке Венгерова (дата вписана).

¹ Имеется в виду Владимир Петрович Махновец (псевд.: Акимов, Бахарев) (1872–1921), публицист, редактор, социал-демократ, один из главных оппонентов Ленина, марксист-экономист. Судя по всему, Венгеров предполагал, что реферат Махновца будет посвящен спектаклю «Синяя птица», премьера которого состоялась 30 сентября (13 октября) 1908 г. в Московском Художественном театре и вызвала, говоря словами Тэффи, «синюю птицеманию» в России (Русское слово. 1909. 1 (14) мая. № 99. С. 2). На это указывает замечание о приезде «москвичей», т.е. о гастрольных планах МХТ. «Синяя птица» впервые была показана в Петербурге весной 1909 г. на сцене Михайловского театра. Однако «упирался» Махновец не случайно. Из его личной переписки с Е.С. Волковой можно понять, что дело заключалось не в рецензии на постановку «художественников», а совершенно в другом — в его безответной любви, которую он пережил в том же году, переписываясь из тюремного заключения и изредка встречаясь с женщиной, перевернувшей всю его жизнь, и этот несостоявшийся «роман» он осознал под знаком Метерлинка. 16 декабря 1908 г. он пишет: «Елизавета Степановна! На тот случай, если Вам позволит время и если у Вас будет охота прослушать мой реферат о “Синей Птице”, уведомя Вас, что я прочту его завтра, в среду, в Рабочем клубе (Общество “Свет”) за Невскою заставою по Шлис-сельбургскому тракту дом 44–46 (в том доме, где кинематограф) <...> Если позволят мне мои силы, еще не совсем окрепшие после пережитого за последние десять лет и последние десять месяцев в особенности, если позволяют они мне передать ярко и сильно то, что уже ярко и сильно сознаю я в себе, я постараюсь в этом реферате выразить радостное и новое в моем мировоззрении, то что я взял от Вас, от моего знакомства с Вами, самого счастливого в моей жизни. <...> Моя дальнейшая жизнь будет исканием “Синей Птицы”, “полной радости”, как называли Вы ее — не как цели жизни, но как средства преобразить себя для высших целей жизни, сделать то, что случилось с маленькой соседкой Тильтиля, которая из больной, слабой и обрекающих других стала радостной и радующей всех, и душа которой стала похожа на душу света. Если это мне удастся хоть в малой мере, то это будет влиянием Вашей личности на мою...» [8, с. 274–275].

² Александр Рафаилович Кугель (1864–1929) — журналист, театральный критик, драматург, режиссер; вместе с женой З. Холмской основал в Петербурге театр пародий «Кривое зеркало»; гл. ред. журнала «Театр и искусство», где была опубликована статья Чуковского «Кинематограф» (Театр и Искусство. 1908. № 49 (7 дек.). С. 868–870) с примеч. ред.: «Отрывок из обширной статьи К.И. Чуковского “Нат Пинкертон и современная литература”, которая появится в “Альманахе”, издаваемом ред. “Театра и Искусства”». Отдельным изд. вышла под названием «Нат Пинкертон и современная литература» (СПб., 1908).

³ В Литературном обществе доклад Чуковского «Нат Пинкертон и современная литература» состоялся 2 января 1909 г. Ср. запись очевидца от 3 января: «Вчера был в Литературном обществе. К.И. Чуковский — нескладный, длинный, встрепанного вида молодой человек — читал свой несколько устарелый доклад о Нате Пинкертоне и современной литературе. Доклад поверхностный, но с остроумными местами и задираньями. Докладчик, на основании факта существования Пинкертонов и плохих кинематографов, вывел заключение, что интеллигенция у нас уже нет, что она умерла. Попутно зацепил Горнфельда и Пошехонова, не говоря уже о Каменских и К^о.

Ему аплодировали.

Начались возражения; беднягу Чуковского разделили под орех; напомнили ему, что он сам участвовал и участвует в тех органах, которые обругал, сам хулиганиствовал, что он не смеет касаться людей, мизинца которых не стоит и т. д., и т. п. в самой резкой форме. <...> Особенно отличился Стоппнер, ампула которого на всех собраниях заключается иногда в остроумных, но всегда язвительных походах против референтов.

Аплодировали и им.

Словом, вышла почти форменная ругань <...>.

После доклада Носков, Н. Морозов и я остались ужинать; присосеживался к нам и опять убежал к другим стола и К. Чуковский. Я впервые познакомился с ним; очень в нем много еще ребячливого, но парень он наблюдательный, остроумный и несомненно с искрой Божьей.

Между прочим, он бегал между столами и раскладывал на них объявления о... выходе его новой книжки!» (Минцлов С.Р. Петербург в 1903–1910 гг. [Б. м.]: Salamandra P.V.V., 2012. С. 216–217).

⁴ Брюсов писал: «“Портреты” г. Чуковского, — в сущности, — карикатуры. Что делает карикатурист? Он берет одну черту в данном явлении или в данном лице и безмерно увеличивает ее. Так поступает и г. Чуковский, рисуя свои портреты писателей. <...> Но карикатуры бывают разные: острые и тупые, злые и добродушные, талантливые и бездарные. Карикатуры г. Чуковского — блистательны. Они нарисованы с такой силой, что как бы ослепляют и совершенно заслоняют истинный образ писателя. <...> Самый большой недостаток книги г. Чуковского тот, что иногда он пытается писать совершенно серьезно, забывает, что он рисует карикатуру и начинает вносить в нее другие черты, тоже подлинные, но затемняющие одну, основную, выбранную им. В таких случаях карикатуры получаются несколько тяжелыми, их яркость затемнена портретным сходством. Но таких немного, а большинство портретов сделаны рукой смелой, уверенной и до поразительности легкой» (Весы. 1908. № 11. С. 59–60).

⁵ Gamin (франц.) — сорванец, уличный мальчишка.

⁶ Персифлаж (персифляж) (франц. Persiflage) — шутливая издевка, ироническая насмешка, высказанная в виде комплимента.

⁷ Брюсов также отметил остроумность афористичных характеристик критика: «...трудно забыть отдельные меткие выражения г. Чуковского, которые он с расточительностью богача рассыпает по своим этюдам. Теперь при имени г. Анатолия Каменского всегда будет вспоминаться восклицание, которым г. Чуковский начинает его характеристику: “Остерегайтесь подделок!”» (Весы. 1908. № 11. С. 59–60).

⁸ Вероятно, имеется в виду брошюра «Основные черты новейшей русской литературы» (СПб., 1909); см. письмо Венгерову А.А. Блоку от 23 ноября 1908 г., где автор говорит о «характеристике симпатичной музыки» поэта, которую он «дал в своей лекции», и добавляет: «Кстати, посылаю ее Вам» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 186. Л. 7). На следующий день Блок отвечает: «Спасибо Вам от всей души за Вашу книгу и за Ваш отзыв обо мне, для меня — драгоценный» [2, с. 263].

8. Чуковский — Венгерову

15 (28) декабря 1908. Куоккала

Да, многоуважаемый С. А., реферат мой выйдет в начале января¹.

Спасибо за книгу. Она у меня была и так.

Ваш Чуковский.

Открытое письмо: Петербург, Разъезжая, 39. С. А. Венгерову.

Штемпели: Куоккала, 28 XII 08; С. Петербург: (день не видно) 12.08.

На адресной стороне пометы карандашом: «Чуковск<ий>; 12039».

¹ См. прим. 2 к предыдущему письму.

9. Чуковский — Венгерову

Весна 1909. Санкт-Петербург

С благодарностью получил от Семена Аф. Венг<ерова> — материалы о Гаршине¹.

К. Чуков<ский>.

Датируется по содержанию.

Помета сверху листа: «Чуковский; 1061», снизу: «12043».

¹ Первое упоминание о подготовке статьи о Гаршине встречается в дневнике Чуковского 9 апреля 1909 г.: «...читаю Гаршина. <...> В Гаршине покуда открыл одну только черту, никем не подмеченную: точность, отчетливость» [11, т. 11, с. 153]. 15 апреля: «Перечел Гаршина, составил гороскоп, есть интересные мысли, но писать не хочется»; 30 апреля: «У Мережковских: читал свою статью о Гаршине: слезы»; 8 мая: «Я все переделываю Гаршина — свою о нем статью — и с радостью жду завтрашнего дня, чтобы снова приняться за работу» [11, т. 11, с. 154].

10. Чуковский — Венгерову

18 сентября (1 октября) 1909. Куоккала

Многоуважаемый С.А. Протелефонируйте, ради Бога, Д.Я. Герценштейну¹ мою покорнейшую просьбу: 7 билетов прислать мне в Куоккала — пораньше, чтобы я заблаговременно мог ими распорядиться, а три билета послать Лазарю Евсеевичу Розинеру², контора «Нивы» ул. Гоголя, 22, с указанием, что один билет для В.Я. Светлова³, другой для И.М. Эйзена⁴. Там люди щепетильные, и их обижать не нужно. Если афишки (программки) еще не отпечатаны, ради Бога, озаглавьте реферат так:

Красный ли Цветок?

(О Всеволоде Гаршине)⁵

Знаю, что это не благозвучно, но зато точно. И еще: очень, очень, очень прошу Вас быть на этом моем реферате, ибо он для меня «поворотный пункт», и я хочу [спросить] узнать Ваше мнение. Ах, если бы пришел и Н.О. Лернер! То-то был бы оппонент! Зинаиду Аф.⁶ надеюсь увидеть на реферате.

Ваш Чуковский.

Открытое письмо: *Петербург*, ЕВ Семену Афанасьевичу Венгерову. Загородный, 21.

Штемпель: St.-P. Burg: I. X. 09.

На адресной стороне пометы карандашом: «Чуковск<ий>; 12034».

¹ Речь идет, судя по всему, о Давиде Марковиче Герценштейне (1848–1916), враче, публицисте; см. его воспоминания «Тридцать лет тому назад. (Из воспоминаний доктора)» о том, как он работал в Доме предварительного заключения (Былое. 1907. № 6/18, июнь. С. 236–260). Оставив врачебную практику еще до 1905 г., в дальнейшем занимался исключительно общественной деятельностью; печатался в периодических изданиях (псевд.: Герц–н Д.М.). Автор рецензии на реферат Чуковского о Нате Пинкертоне — «Куда девалась литература и интеллигенция?», в которой среди прочего объясняет появление своего отзыва: «...я хотел бы сказать несколько слов, не сказанных мною в заседании, потому что, как член совета, я, как и другие товарищи по совету, считаем долгом дать присутствующим возможность высказаться, так как и без нас желающих много и прения затягиваются до глубокой ночи» (Новая Русь. 1909. 9 (22) янв.). Вырезка из газеты сохранилась в архиве Чуковского (РГБ. Ф. 620. К. 118. Ед. хр. 11). Неполные сведения о Д.М. Герценштейне имеются в «Автобиографическом собрании» С.А. Венгерова [7, т. 1, с. 295]. Описка Чуковского в инициалах вызвана, возможно, ассоциацией с Михаилом Яковлевичем Герценштейном (1859–1906), известном политическом и общественном деятеле, убитом черносотенцами в Териоках.

² Лазарь (Александр) Евсеевич Розинер (1880–1940) — управляющий конторой журнала «Нива», в котором Чуковский сотрудничал начиная с 1906 г.

³ Валериан Яковлевич Светлов (наст. фам. Ивченко, 1860–1934) — один из редакторов «Нивы», литератор, историк балета, театралный критик.

⁴ Илья Моисеевич Эйзен (1869–1936) — журналист, сотрудник «Нивы».

⁵ Лекция о Гаршине была прочитана в Петербургском Литературном обществе 25 сентября 1909 г. и вызвала настоящий скандал. Один из анонимных рецензентов, изложив содержание реферата, подвел итог: «Вообще, реферат носил характер чисто литературного, психологического исследования, чего, очевидно, не усвоили многие из возражавших Чуковскому. Они усмотрели здесь какую-то демонстрацию. Все, за исключением г. Морозова, ответили тоже демонстрацией. Г. Линеv бросил упрек литературному обществу, что оно допускает в своих стенах доклад, который оскорбляет память любимого писателя Гаршина, оскорбляет маститого критика Скабичевского. Доклад г. Чуковского, по его мнению, хлесткий фельетон, которому место в газете. После этих слов в переполненном зале поднимается шум, аплодисменты перемешиваются со свистками и шиканьем. Чуковский требует фактического опровержения выставленных им доводов, а не дутых фраз. Г. Линеv ни одного фактического возражения не предъявляет.

— Я горжусь тем, что я фельетонист, — говорит Чуковский. — Фельетон трудная и очень ответственная литературная форма и т.д. Возражения Чуковского снова вызывают бурю аплодисментов, смешанных со свистками» (Речь. 1909. 27 сент. (10 окт.)). «Публика повскакала со стульев. Я думал, что Чуковского убьют. Хорошо, что он либерал: а то бы убили. Непонятно, что будет дальше, если его не убьют. Этак он, отославшись крепко, с бодрыми силами, поутру вдруг напишет что-нибудь даже о Михайловском. Т. е. будучи-то либералом и немножечко «босьяком». Но, нет. Чуковский хитер и на Михайловского не решится. “Тогда пиши *пропало* карьере”, — заметил В.В. Розанов в статье «Обидчик и обиженные» (Русское слово. 1909. 3 окт.). Другие печатные отклики см: [1, с. 326]. Венгеров был одним из возмущенных трактовкой творчества Гаршина, предложенной докладчиком. В письме Чуковскому от 6 января 1928 г. Л.П. Гроссман передавал воспоминания П.Н. Сакулина о том, как «в допотопное время в каком-то лит. кружке, где он ужинал с Овсяннико-Куликовским, взволнованный Венгеров панически звал их “спасать русскую литературу”: оказывается, в соседнем зале Вы читали доклад о Гаршине! Они пошли “спасать” и пришли в восторг от смелости и оригинальности Вашего построения» [11, т. 15, с. 123]. Статья Чуковского «О Всеволоде Гаршине (Введение в характеристику)» была опубликована в «Русской мысли» (1909. № 12. Отд. II. С. 117–141); вошла в сб. «Лица и маски»; в совр. изд.: [11, т. 7, с. 281–302].

⁶ Зинаида Афанасьевна Венгерова (1867–1941) — писательница, переводчица и литературный критик, историк западноевропейской литературы; родная сестра Венгерова.

11. Венгеров — Чуковскому

19 ноября 1909. Санкт-Петербург

Многоуважаемый Корней Иванович.

Подготавливается юбилейный сборник Литературного Фонда¹, который желательно сделать возможно более интересным для того, чтобы он привлек к себе внимание широких слоев публики. По поручению Комитета Фонда обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой дать что-нибудь для этого сборника. Комитет надеется, что Вы не откажетесь принять товарищеское участие в благом деле. Сборник надо выпустить в январе и последний срок доставления рукописей — 10 декабря.

Рукописи прошу направлять по адресу: Загородный просп. д. 21, кв. 36. Семену Афанасьевичу Венгерову.

С искренним приветом
С. Венгеров.

На печатном бланке:

Семен Афанасьевич ВЕНГЕРОВ.

Загородный 21, кв. 36.

[Разъезжая № 39].

Телефон 52–84.

С.-Петербург, 19 ноября 1909 г.

Прежний адрес зачеркнут, новый впечатан синим цветом; дата вписана от руки.

¹ Юбилейный сборник Литературного фонда. Л. 1859–1909 / [сост. и ред. С.А. Венгеров]. СПб.: Общественная польза, [1910]. VIII, 630 с.

12. Чуковский — Венгерову

25 ноября (7 декабря) 1909. Куоккала

Многоуважаемый Семен Афанасьевич.

Я очень польщен тем, что к участию в сборнике Фонда Вы [пригласили] привлекли и меня. Думаю, что две–три моих странички «сборнику» не очень¹ помешают. Что, если я дам небольшую заметку «Из мыслей о Репине»?² И что если я вместо 10го декабря, дам эту заметку 15го?

Вам преданный Чуковский.

Открытое письмо: Петербург, С. А. Венгерову. Загородный, 21 кв. 36.

Датируется по штемпелям: Куоккала, 7.XII.09; (два) С. Петербург: 25.11.09.

На адресной стороне пометы карандашом: «*Чуковск<ий>*; 12031».

¹ Слово вписано.

² Личное знакомство Чуковского с И.Е. Репиным (1844–1930) произошло 9 сентября 1907 г. в Куоккале, где они оказались соседями [11, т. 11, с. 140]. С этого момента завязалась их многолетняя дружба. Можно предположить, что Чуковский планировал написать «небольшую заметку» на основе своих многочисленных дневниковых записей, связанных с именем художника. Однако замысел не был реализован: в юбилейном сборнике Литературного фонда Чуковский не принял участия. Впоследствии он посвятил Репину много статей и воспоминаний, неоднократно переиздававшихся (см.: [1], по Указ. имен).

13. Чуковский — Венгерову 20 сентября (2 октября) 1910. Куоккала

Многоуважаемый Семен Афанасьевич.

На запрос Литературного О<бщества>ва тороплюсь ответить, что намечены у меня 2 реферата:

1^й о Уоте Уитмане (Поэзия будущего).

2^й о Т. Гр. Шевченко.

Первый из этих рефератов хотел бы я прочитать в самом начале ноября — ну хотя бы числа 5го или *лучше всего 12го*, а второй попозднее — к Рождеству¹. Ничего сногсшибательного — не бойтесь, — на этот раз не будет², — просто факты и (шопотом!) кое-какие личные соображения. Читали Ремизова в «Шиповнике»?³

Ваш Чуковский.

Почтовая карточка: *Петербург*, Загородный, 21. С.А. Венгерову.

Штемпели: Куоккала: 2. X 10, С. Петербург: 20–9–10.

На адресной стороне пометы карандашом: «*Чуковский*; 12030».

¹ Письмо с почти таким же содержанием 19 сент. (2 окт.) 1910 г. Чуковский отправил Василию Васильевичу Водовозову (1864–1933), публицисту, юристу, экономисту, политическому деятелю: «Милостивый Государь В. В. На запрос Литературного О-ва, какой реферат намерен я в этом году предложить О-ву, тороплюсь ответить, что у меня намечены два реферата:

Первый о Уоте Уитмане (поэзия будущего)

Второй о Шевченко

О Уитмане хотел бы прочитать 12го ноября, или 5го, или 19го. Прошу сообщить, который день Вам удобнее.

Готовый к услугам Чуковский» (ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 6. Ед. хр. 509).

Предложенные темы были в планах Чуковского на 1910 г. 19 мая он записывает в дневнике: «Работы гибель — и работа радостная. Писать о Уитмане и исправлять старые статьи. <...> за Уитмана и за Шевченка — в июле. Шевченко войдет в критическую книгу, а Уитмен отдельно. Весь июль буду писать длинные статьи,

а июнь писать фельетоны. <...> И потом в литературном обществе лекцию о Шевченко. Идеально!» [11, т. 11, с. 160]. Однако ни один из намеченных рефератов в Литературном обществе не был прочитан.

² Очевидно, имеется в виду реакция Венгерова на лекцию Чуковского о Гаршине (см. примеч. 5 к п. 10).

³ Речь идет о повести А.М. Ремизова «Крестовые сестры», напечатанной в альманахе издательства «Шиповник» (Т. XIII. СПб., 1910. С. 161–297). Отзыв Чуковского под названием «Для чего мы живем» появился через неделю (Речь. 1910. № 264. 26 сент. С. 3). См. его высокую оценку в письме Д.В. Философова Чуковскому от 27 сентября 1910 г.: «Ваш фельетон понравился мне серьезностью приемов. С ним можно не соглашаться или соглашаться, но *за ним* чувствуется не упокоение “в красе торжественной своей”, а *волнение*. Вы вообще скрываете свое волнение (и это нехорошо, потому что слишком многим нравится в Вас именно отсутствие волнения). Выходит, как будто Вы все решили, все знаете, и смеетесь над нами, дураками, <о>т<о>рые ежеминутно глотают гвоздики» [10, с. 436].

14. Чуковский — Венгеру 23 ноября (6 декабря) 1910. Куоккала

Многоуважаемый С.А.

Вы очень зло посмеялись надо мной. Дали мне, вместо 4го тома, **второй**¹. Можете себе представить мою тоску, когда, раскрыв этот «волюм», я увидел, знакомые картинки и знакомые статьи. Умоляю Вас, добудьте для меня *четвертый*, а второй я возвращу на днях. Привет Алекс. Григорьевичу².

Преданный Вам

Чуковский.

Почтовая карточка: *Петербург*, Ивановская, 21. С.А. Венгеру.

Штемпель: Куоккала: 6.XII.10.

На адресной стороне пометы карандашом: «К. Чуковский; 12036».

¹ Слово подчеркнуто тремя чертами. Речь идет, по-видимому, об изд.: Собрание сочинений Пушкина: в 6 т. / под ред. С.А. Венгерова, СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1907–1915 (Библиотека великих писателей). Т. 2 вышел в 1908 г., т. 4 — в 1910 г. В обзоре «Русская литература [в 1908 году]» Чуковский писал об «изумительном издании Пушкина под редакцией С.А. Венгерова, которым Венгеров воздвиг нерукотворный памятник не только Пушкину, но и себе, — столько в его труде молитвенной любви и благоговения» [11, т. 7, с. 391].

² Александр Григорьевич Фомин (1887–1939) — литературовед, библиограф, ученик С.А. Венгерова, с 1908 по 1911 г. был его личным секретарем, а также секретарем знаменитого Пушкинского семинария, организованного Венгеровым в 1908 г. в Петербургском университете; принимал активное участие в венгеровских издательских проектах; составил, в частности, фундаментальную «Библиографию новейшей русской литературы: по материалам литературного архива профессора С.А. Венгерова и другим источникам».

15. Чуковский — Венгеров

26 февраля (11 марта) 1911. Куоккала

Многоуважаемый С.А.

Свершилось: Чуковский написал статью *идейную*, и теперь уже может войти в Ваш синодик героев¹. Я написал о Шевченко, и на лекции публика кричала «спасибо»², а меня вызывали как... Шалапина — *до* грехопадения³. И вот я эту лекцию хотел бы читать в Харькове, в Одессе, но захворал, и остается прочитать в Пб. Что Литературка? Кажется, В.Г. Котельников⁴ собирается устроить в Фонде лекции о Ш<евчен>ке⁵. Шепните ему по телефону обо мне, хоть полудоброе слово. Это лучшая моя статья, неужели же ей пропадать. Я именно ею хочу «оправдаться» за свой «негероический период».

Или пусть Литературка меня пригласит — если ей не угрожает штраф.

Ваш Чуковский.

Почтовая карточка: *Петербург*, Загородный, 21. ЕВ. С. Аф. Венгеров.

Штемпели: Куоккала: 11.ІІІ.11, С. Петербург: 26–2–11.

На адресной стороне пометы карандашом: «К. Чуковский; 12037».

¹ Намек на любимую идею Венгера о «героическом», «учительном» и «жертвенно-аскетическом» своеобразии русской литературы, которую он проводил в работах разных лет и вынес в заглавие монографии «Героический характер русской литературы (Призыв к подвигу и неприятие мира)» (СПб.: Прометей, 1911), а затем и первого тома сочинений, куда она вошла в переработанном и дополненном виде: *Венгеров С.А. Собрание сочинений*: в 5 т. Т. 1. Героический характер русской литературы. СПб.: Прометей, 1911. С. 99–205.

² Первая статья Чуковского «Шевченко» (Речь. 1909. 1 (14) марта), подчеркивающая контраст между богемным образом жизни поэта в России и национальным (малороссийским) духом его творчества, вызвала бурю возмущения и ожесточенную полемику, см.: [11, т. 9, с. 472–473]. О замысле новой статьи Чуковский сообщил Брюсову в письме от 1 августа (13 сентября) 1910 г.: «Теперь у меня (в голове) есть статья о Шевченко (кстати, скоро 50 лет со дня его кончины) — и если мне удастся написать ее так, как я ее задумал, она будет лучше всего, что мною было написано» [11, т. 14, с. 365]. В январе 1911 г. в дневнике отмечено: «Пишу о Шевченко. Т. е. не пишу, а примериваюсь» [11, т. 11, с. 166]. 18 февраля Чуковский сообщил Брюсову: «Лекция моя о Шевченко близится к концу. 21-го я читаю ее в СПб и 26-го в Харькове, но между Харьковом и СПб. — есть Москва, и между 21 и 26 есть 22, 23, 24 февраля. Лекция моя апофеоз Ш<евчен>ка, и что бы Вашему Кружку или вообще кому угодно, у кого есть сотня рублей, — пригласить меня на 22 или 23 или 24 февраля, я бы, к удовольствию местных хохлов, прочитал или даже пропел эту лекцию» [11, т. 14, с. 251]. После публичной лекции «Шевченко (Введение в характеристику)», прочитанной 21 февраля 1911 г. в зале Тенишевского училища, в газетных отчетах появилась перепечатка статьи 1909 г. (*Б/н*. К лекции // Свободные мысли. 1911. 28 февр. (13 марта); *Б/н*. Чуковский и Шевченко // Новое время. 1911. 1 (14) марта), вызвавшая новую волну возмущения общественности; подробнее см.: [11, т. 9, с. 474]. Впервые статья опубли. в «Русской мысли» (1911. № 4, 5); вошла в сб. «Лица и маски».

³ 6 января 1911 г. в Мариинском театре на представлении «Бориса Годунова» с Шалапиным в главной роли произошел инцидент, вызвавший шумный резонанс в общественных и художественных кругах. Согласно официальному отчету, после

пятой картины хор и артисты во главе с солистом, стоя на коленях и повернувшись к царской ложе, трижды исполнили гимн «Боже, царя храни!». Эта версия события послужила началом широкой кампании против Шаяпина, которого обвиняли в раболепстве и монархизме. С открытым осуждением в печати выступили А.В. Амфи-театров, В.М. Дорошевич, В.А. Серов и др. В дневнике Чуковского 28 января 1911 г. зафиксирован «разговор о Шаяпине» с И.Е. Репиным: «“Утро России” назвало Шаяпина хамом. — Bravo, bravo! — сказал И.Е.» [11, т. 11, с. 166].

⁴ Василий Григорьевич Котельников (1850 – после 1934), сельскохозяйственный и общественный деятель; член комитета Литературного общества; автор многих работ по сельскому хозяйству [7, т. 1, с. 526].

⁵ Имеются в виду лекции, приуроченные к 50-летию памяти украинского поэта и художника Тараса Григорьевича Шевченко (1814–1861), скончавшегося 26 февраля.

16. Чуковский — Венгерову 20 мая (2 июня) 1911. Куоккала

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

Я усердно сижу и — как перед экзаменами — «зубрю Брюсова»¹. Читаю его прозу, критику, поэмы и проч. и проч. — и до сих пор не знаю, что у меня из этого выйдет. Ведь Вам нужно к сентябрю, а я к сентябрю ни за что не успею.

У меня на шее:

фельетоны,

книга о Уйтмэне (доканчиваю наконец-то)²,

детский журнал (принялся редактировать)³,

Некрасов⁴ и т. д.

Лекция⁵

Почти все спешное и почти все к сентябрю. Поэтому, чтобы ни минуты не оставить Вас в неопределенности, позвольте поставить дело так:

— если Вы можете ждать до 1го декабря, то я с восторгом берусь за эту работу;

— если же последний срок 1 сентября, то я с грустью должен признать себя для вас непригодным.

Ваш Чуковский.

Простите, что так поздно откликнулся: по телефону не дозвонился к Вам, а потом все думал, что удастся лично зайти.

Почтовая карточка: *Петербург*, Загородный, 21. Его Высочородию Семёну Афанасьевичу Венгерову.

Датируется по штемпелям: Куоккала: 2.VI 11, С. Петербург: 20–5–11

На адресной стороне пометы карандашом: «Чуковский; 12041».

¹ Очевидно, это ответ на неизвестное письмо Венгерову с предложением написать статью о Брюсове для т. 1 издания: Русская литература XX века. 1890–1910: в 3 т. / под ред. проф. С.А. Венгерова. СПб.: Мир, 1914–1918 (осталось незавершенным) (см. вступ. статью). Ср. также из письма Брюсову от 5 (18) сентября 1911 г.: «Я

только что вернулся из Астрахани <...> По приезде сейчас засел изучать Валерия Брюсова. Очень жаль, что этот писатель не собрал своих критич<еских> статей и рецензий под одну обложку» [11, т. 14, с. 262].

² Речь идет о книге «Поэзия грядущей демократии: Уот Уитмен», которая вышла через три года с предисловием И.Е. Репина (М.: Изд-во т-ва И.Д. Сытина, 1914); позднее неоднократно переиздавалась с дополнениями (см.: [1], по Указ. имен).

³ Чуковский был инициатором и редактором-составителем альманаха для детей «Жар-птица» (СПб.: Шиповник, 1912). Позднее в мемуарах «Горький во “Всемирной”» (Сб. ст. и воспоминаний о М. Горьком / под ред. И. Груздева. М.; Л., 1928) он напишет: «Я давно носился с соблазнительным замыслом — привлечь самых лучших писателей и самых лучших художников к созданию хотя бы одной-единственной “Книги для маленьких”, в противовес рыночным изданиям Сытина, Клюкина, Вольфа. В 1912 году я даже составил подобную книгу под сказочным названием “Жар-птица”, пригласив для участия в ней А.Н. Толстого, С.Н. Сергеева-Ценского, Сашу Черного, Марию Моравскую, а также многих первоклассных рисовальщиков, но книга эта именно из-за своего высокого качества (а также из-за высокой цены) не имела никакого успеха и была затерта базарною дрянью» [11, т. 5, с. 70–71].

⁴ Речь идет, судя по всему, о подготовке статьи Чуковского «Мы и Некрасов» (Речь. 1912. 1 (14) нояб.); вошла в сборник «Лица и маски» (1914) под названием «Некрасов и модернисты». Эта статья стала первым шагом Чуковского в его дальнейших литературоведческих исследованиях творчества Н.А. Некрасова, которому он посвятил огромное количество статей, несколько книг («Некрасов как художник» (1922), «Поэт и палач» (1922), «Некрасов» (1926), «Мастерство Некрасова» (1962), а также принял самое активное участие в подготовке Полного собрания сочинений и писем Некрасова в 12 т. (М., 1948–1953).

⁵ Слово вписано.

17. Венгеров — Чуковскому

21 мая 1911. Санкт-Петербург

Ежели без обмана Вы действительно дадите литературный портрет Брюсова к 1 декабря — то я подожду. Но Вы уже, пожалуйста, «с восторгом» беритесь за работу и притом никому не рассказывайте, что я Вам дал отсрочку. А то и другим повадно будет оттягивать, и тогда я погибну.

Итак, вношу в книжечку свою:

Брюсов — Чуковский.

Во вторник еду в Москву и скажу Брюсову, что Вы взялись, а Вы, все-таки, до вторника доставьте мне письменную клятву, что не надуете.

Ваш С. Венгеров.

21 мая 1911

На почтовой карточке, адрес: ст. Куоккала по Финлянд. ж. д. Корнею Ивановичу Чуковскому.

Над письмом синий штамп: Семен Афанасьевич ВЕНГЕРОВ. Загородный, 21.
Штемпели: С.-Петербург, смазан; Куоккала, 4.VI.11.

18. Венгеров — Чуковскому
22 сентября 1911. Санкт-Петербург

Многоуважаемый Корней Иванович.

Желая ускорить, я перемудрил и потому только сегодня получил телеграмму: «Завтра высылаем». Прибудут, значит, деньги в субботу вечером. В воскресенье и пожалуйте за ними.

Ваш С. Венгеров.

22 сент. 1911 г.

На почтовой карточке:

Здесь. Суворовск. 40 /А, кв. 4¹.

Корнею Ивановичу *Чуковскому*.

Штемпель: С.-Петербург; 22.9.11.

Внизу письма — именной штамп: «Семен Афанасьевич Венгеров».

¹ В сентябре 1911 г. Чуковский переехал из Куоккалы в Петербург. В письме Брюсову от 5 (18) сентября, написанному по возвращении из летней поездки в Астрахань, подчеркивается: «Теперь мой адрес такой: *Петербург*, Суворовский проспект, 40 а, кв. 4. К.И. Чуковскому» [11, т. 14, с. 262]. Однако продолжал бывать в Куоккале; см. напр., почтовую карточку А.В. Руманову, отправленную отсюда 1 (14) октября 1911 г. [11, т. 14, с. 262]; как и письмо М.А. Волошину от 7 (20) января 1912 г. [11, т. 14, с. 275].

19. Венгеров — Чуковскому
12 января 1912. Санкт-Петербург

Многоуважаемый Корней Иванович!

Если Брюсов по-прежнему Вам не дается, то давайте Гиппиус. Но только поскорее! Жду весточки.

Ваш

С. Венгеров.

12 янв. 912

На почтовой карточке: Суворовский пр. 40/А кв. 4. Корнею Ивановичу *Чуковскому*.

20. Чуковский — Венгерову
Около 20 февраля (4 марта) 1912. Бад Гранкулла

Многоуважаемый Семен Афанасьевич.

Вот уже больше месяца нахожусь я в вышеобозначенном заведении¹ и подвергаюсь всем затеям и причудам чухонской медицины — обтираниям,

обливаниям, окутываниям, замораживаниям и т. д. — и облегчения никакого не чувствую. Сегодня отсюда уезжаю, потеряв в весе 3 килограмма (было 75, теперь 72), почти отравленный вероналом, и моя статья о Гиппиус, которую не могу закончить из-за непрерывной головной боли, служит явным доказательством моей невменяемости².

Что со мной будет, я не знаю. Денег нет почти ни гроша, и ни откуда ничего не предвидится. Уезжаю в Петербург. Хочу применить к себе гипноз. Знакомы ли Вы с Бехтеревым?³

Ваш Чуковский.

На печатном бланке:

Rekreations- o. Kuranstalten

Bad Grankulla, den__191

Bad Grankulla

Öppen året om

Adress: Grankulla station

Telefon via Grankulla central

На листе пометы карандашом: «Чуковский; 12028»; на обороте: «22 февр. 912. Чуковск<ий>; [357]».

¹ О критическом состоянии своего здоровья Чуковский сообщал нескольким корреспондентам. В начале января 1912 г. он пишет известному библиографу, книговед, популяризатору науки, создателю библиопсихологии (науки о восприятии текста) Николаю Александровичу Рубакину (1862–1946): «...ведь мой ужас в том, что я болен, — я совершенно потерял возможность заниматься и т. д. — у меня малокровие мозга, бессонницы и проч. Это такое отчаяние. Я четыре года жил в Куоккала, переехал с семьей (а у меня трое детей) в СПб. — и сразу изнемог, истомился. Стоит мне пойти в театр, пройти по Невскому — и я не сплю, *подавленный впечатлениями*» [11, т. 14, с. 273]. Брюсову сообщает 28 января (10 февраля) того же года уже из санатория: «Я очень заболел (малокровие мозга)...» [там же, с. 277]. См. также письмо Д. Философова к Чуковскому от 26 февраля (10 марта) 1912 г.: «Получил известие от Ремизова, что Вы больны, в санатории, страдаете бессонницей и т. д. И мне стало горько, что я Вам послал ядовитое письмо. Если бы Вы были здоровы, Вы бы поняли, что этот яд безвреден, припомнили бы мое хорошее отношение к Вам, и, конечно, не огорчились бы. Но в нервном состоянии, когда на душе бывает уныние, не до ядовитых шуток! Потому искренне прошу у Вас прощения. Главное, будьте бодры, работайте, *не развивчивайтесь*. По опыту знаю, что при неврастении доктора *ничто*, а личная воля *все*. Перехитрите черта, который в виде бессонницы мучает Вас, не поддавайтесь ему» [10, с. 444].

² В это время Чуковский писал статью об О. Уайльде. См. примеч. 1 к следующему письму.

³ Владимир Михайлович Бехтерев (1857–1927), выдающийся ученый, психиатр, невролог, физиолог, психолог; основоположник рефлексологии и патопсихологии; основатель Психоневрологического института в Санкт-Петербурге (1907); в 1918 г. организовал и возглавил Институт по изучению мозга и психической деятельности. На протяжении многих лет исследовал проблемы гипноза и внушения. Незадолго до болезни Чуковского вышла в свет брошюра: *Бехтерев В.М. Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное значение*. [Из лекций, читанных врачами и студентами Императорской Военно-Медицинской Академии]. СПб.: Изд-во «Вестника Знания», 1911.

21. Венгеров — Чуковскому

21 апреля 1912. Санкт-Петербург

Многоуважаемый Корней Иванович!

Марья Борисовна сообщила мне, что Вы на днях прибудете в столицу¹. Так вот просил бы Вас по возможности скорее позвонить ко мне или заглянуть ко мне персонально. Нужно, во-первых, узнать, в каком положении статья о Гиппиус, а затем мне очень нужно получить адрес Сергеева-Ценского, Вам, как приятелю, вероятно, известный².

Ваш С. Венгеров.

На именном бланке Венгерова (дата вписана).

¹ Речь идет о гастрольной поездке Чуковского по югу России с лекцией об Оскаре Уайльде, работа над которой велась еще в санатории; ср. письмо жене от февраля 1912 г.: «Мне хочется побыть здесь еще недели 2, закончить статью об Уайльде — и на 4-й неделе Великого Поста, когда все театры закрыты, прочитать об Уайльде лекцию: под заглавием “Религия Красоты и религия страдания”» [11, т. 14, с. 284]. Лекция с большим успехом была прочитана дважды в Петербурге в зале Тенишевского училища 3 и 9 марта 1912 г. 16 марта Чуковский отправился в Минск, о чем известил Брюсова [11, т. 14, с. 289]. В письме И.Е. Репину от 24 апреля он сообщал: «Третьего дня я читал лекцию в Минске, вчера в Гомеле, сегодня буду читать в Витебске. *Скоро сделаюсь миллионером*. Уже 1 ½ месяца я скитаюсь по России — из Киева в Ковно, из Белостока в Одессу — и никак не могу добраться до Петербурга» [11, т. 14, с. 294]. 4 мая Чуковский пишет Брюсову: «Я только что вернулся из поездки по России. <...> Простите бессвязное письмо, но я совершенно болен. Голова болит не переставая» [11, т. 14, с. 296].

² С Сергеем Николаевичем Сергеевым-Ценским (1875–1958) Чуковский был знаком примерно с 1906–1907 гг. Первый критический отзыв «О Сергееве-Ценском» (Родная земля. 1907. 5 (18) февраля) был перепечатан под названием «О мозаике» (Речь. 1907. 29 июля (18 авг.)); вошел в состав сборника «От Чехова до наших дней» под заголовком «Сергеев-Ценский» начиная со 2-го изд.; см. [11, т. 6, с. 61–68]. В конце 1909 г. писатель снимал дачу в Куоккала по приглашению Чуковского.

22. Венгеров — Чуковскому

30 мая 1912. Санкт-Петербург

Гиппиус, Гиппиус, Гиппиус!

Дайте весточку.

Ваш С. Венгеров.

30 мая 912

На почтовой карточке; адрес: ст. *Куоккала* по Финл. ж.д. Корнею Ивановичу Чуковскому.

Внизу письма именной штамп: «Семен Афанасьевич Венгеров. Загородный, 21».

Штемпели: С.-Петербург, 31.5.12; Куоккала, 13.VI.12.

23. Чуковский — Венгерова*2 (14) июня 1912. Куоккала*

Пишу, пишу, пишу!

Но больше лежу в постели — болел. Читал в англ<ийских> газетах, что Зин. Аф. Венгерова пишет об Оскаре Уайльде¹. Милости прошу глубокоуважаемую тетку приехать к нам на дачу Дальберга (Куоккала) — (у нас по воскресеньям Репин) — я дам ей много новых матерьялов и свою гениальную статью². О Гиппиус почти готово.

Ваш Чук.

Почтовая карточка: *Петербург*, Загородный, 21. С.А. Венгерова.

Штемпели: Куоккала: 14.VI 12, С. Петербург: 2–6–12.

На адресной стороне пометы карандашом: «2 Июня 912, *Чуковский*; [645], 12027».

¹ З.А. Венгерова не раз обращалась к судьбе и литературному наследию Уайльда в своей критике. Статья «Оскар Уайльд и английский эстетизм» составила одну из глав в первой опубликованной книге Венгеровой «Литературные характеристики» (СПб, 1897). Имеется в виду, по-видимому, статья Венгеровой «Суд над Оскаром Уайльдом», которая вышла позднее в том же году (Новая жизнь. 1912. № 11).

² Чуковский возвращался к творчеству О. Уайльда на протяжении всей жизни, начиная с юношеской заметки «Оскар Уайльд и его пьеса», написанной в Лондоне (Одес. нов. 1904. № 6299. 6 мая). В 1911 г. Чуковский стал редактором первого в России Полного собрания сочинений О. Уайльда, вышедшего в свет приложением к журналу «Нива» на 1912 г. в 4 т. (СПб.: изд. т-ва А.Ф. Маркс). На основе ранних статей об английском писателе и лекции «Религия красоты и страдания» он опубликовал этюд «Оскар Уайльд» (Нива. 1911. № 49), который вошел в качестве предисловия к вышеназванному собранию сочинений (с. I–XXXIII). Подробнее см.: [6, с. 109–111; 5, с. 98–110].

24. Венгеров — Чуковскому*18 июня 1912. Санкт-Петербург*

Многоуважаемый Корней Иванович!

Мне самым решительным образом нужно знать *немедленно*, дадите ли Вы статью о Гиппиус. Дело в том, что я имею возможность получить статью о Гиппиус Лундберга, у которого уже имеется статья о ней, предназначенная для «Русской Мысли»¹. Я должен дать ему немедленный ответ. Вот почему и от Вас требую такой скоропалительности. Если не вытанцовывается, так давайте уже мне что-нибудь другое. О Сергееве-Ценском, что ли, или о чем-нибудь другом. Столкнемся как-нибудь. Но, повторяю, давайте немедленный ответ.

Ваш С. Венгеров.

На именном бланке Венгерова (дата вписана).

¹ Имеется в виду статья Е.Г. Лундберга (1883–1965) «Поэзия З.Н. Гиппиус», опубли. в «Русской мысли» (1912. Кн. XII. С. 55–66).

25. Венгеров — Чуковскому
21 августа 1912. Санкт-Петербургу

21 Авг. 1912

Свидетельствую свое почтение многоуважаемому Корнею Ивановичу и очень прошу дать весточку *немедленно* о статье «Гиппиус». Если статья не вытанцовалась окончательно — [скажите] напишите прямо, уж я как-нибудь устроюсь!¹

Ваш С. Венгеров.

Меня кто-то по телефону мистифицирует от Вашего имени: то говорит «под еврея», то «под немца». Неужели это Вы?

На именном открытом письме; печатный штамп: «Семен Афанасьевич Венгеров. С.-Петербург [Разъезжая, 39] Загородный, 21. Телефон 52–84». Прежняя улица зачеркнута и новая вписана от руки, как и дата в верхнем правом углу. В печатном тексте: «Свидетельствую свое почтение» «я» исправлена чернилами на «ю».

Адрес: ст. Куоккала по Финлянд. ж. д. Корнею Ивановичу Чуковскому.

Три штемпеля: два — С.-Петербург, 21.8.12 и 22.8.12, один — Куоккала, 4.IX.12.

¹ Статья о Гиппиус в результате была написана Брюсовым, который остался ею очень недоволен. Ср. его письмо Венгерову от 8 мая 1913 г.: «Только сегодня я высылаю вам свою статью о Гиппиус. Сознаюсь, статья эта стоила мне много не то что труда, а хлопот. Во-первых, я откровенно не люблю прозу Гиппиус (о чем не раз и писал, и лично говорил Зинаиде Николаевне). Вы же просили характеризовать и ее прозу. <...> Во-вторых, я увидел, что, по моим личным отношениям к Зинаиде Николаевне (до которых, конечно, читателям нет дела, но есть дело мне), я не могу сказать *все*, что думаю о ее поэзии. О многом мне пришлось только намекнуть. Через это и характеристика поэзии Гиппиус вышла какой-то неполной» [3, с. 682]; см.: Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. проф. С.А. Венгерова. СПб.: Мир, 1914. Т. I. С. 178–188.

26. Чуковский — Венгерову
30 августа (12 сентября) 1912. Куоккала

Многоуважаемый Семен Афанасьевич.

Конечно, я сволочь. Но у меня есть смягчающие вину обстоятельства. Я написал Вам большое письмо месяц назад и дал художнику Горелову¹ опустить в ящик. Он *целый месяц* проносил его в кармане и уже из-за границы (куда он уехал), запросил меня, не устарело ли письмо к С.А.В.? Гиппиус у меня почти готова — осталось написать о Чортовой Кукле², но свирепый приступ болезни опять задержал меня. *Я все лето пишу один единственный фельетон для Речи и все не могу закончить*³. Разрешите я приеду к Вам на неделе — и мы поговорим из уст в уста. Я должно быть брошу литературу — ибо к 30 годам стал литературным импотентом.

Ваш Чуковский.

Почтовая карточка: *Петербург*, Загородный, 21. Профессору С.А. Венгерову.

Датируется по штемпелям: Куоккала: 12.IX.12, С. Петербург: 30–8–12.

На адресной стороне пометы карандашом: «*Чуковский*; [847] 12026».

¹ Гавриил Никитич (Никитьевич) Горелов (1880–1966) — художник. С 1904 г. учился в Академии художеств в мастерской И.Е. Репина. «Картиной “Чудо при погребении Александра Невского” в 1911 году окончил Академию художеств с заграничной командировкой, где пробыл год и написал ряд работ на тему “Оргия в апартаментах папы Александра VI Борджиа”, за которые мне была присуждена вторая заграничная командировка», — писал он в Автобиографии (URL: <http://surl.li/ugetaf>, (дата обращения: 25.01.2025)).

² См. вступ. ст.

³ Ср. записи в дневнике от «17–18–19–20» июня: «Чарская не пишется совсем. Я и так, я и сяк»; 6 июля 1912 г.: «Про Чарскую окончательно не пишется» [11, т. 14, с. 174]. Фельетон «Чарская» был напечатан одновременно в двух изд.: Речь. 1912, 9 (22) сент.; Современное слово. 1912. 9 (22) сент.; вошел в сборник «Лица и маски» под названием «Лидия Чарская»; см. в совр. изд.: [11, т. 7, с. 303–312].

27. Венгеров — Чуковскому

6 сентября 1912. Санкт-Петербург

6 Сент. 1912

Свидетельствую свое почтение многоуважаемому Корнею Ивановичу и буду весьма рад побеседовать с ним на [след] этой или на будущей неделе. Предварительно прошу позвонить мне по телефону, чтобы условиться точно.

Ваш С. Венгеров.

На именном открытом письме; печатный штамп: «Семен Афанасьевич Венгеров. С.-Петербург [Разъезжая, 39] Загородный, 21. Телефон 52–84». Прежняя улица зачеркнута и новая вписана от руки, как и дата в верхнем правом углу. В печатном тексте: «Свидетельствую свое почтение» «я» исправлена чернилами на «ю».

Адрес: ст. *Куоккала* по Финлянд. ж. д. Корнею Ивановичу *Чуковскому*.

Три штемпеля: С. Петербург: 6.9.12 и 7.9.12; Куоккала, 20.IX.12.,

28. Чуковский — Венгерову

<1912 г.?> Куоккала

Многоуважаемый С. А.

Нарочно прилагаю Вашу телеграмму¹, чтобы Вы меня не заподозрили в свинстве. Обратите внимание на подпись, сделанную на телеграфном бланке:

За неуплатою нарочному 40 к. не доставлен.

Должно быть, в мое отсутствие (я был в городе, в Публ<ичной> Библиотеке) приходил телеграфист, ему не уплатили за доставку, он и унес телеграмму обратно.

Хотя Вы уже знаете, должно быть, адрес Петровича², я сейчас нарочно пойду на станцию и добуду точные сведения.

Нет, и на станции не известен его адрес. Он уехал, потому что на его дачу приехали новые жильцы³.

Ваш Чуковский.

Точной датировке не подлежит. Датируется приблизительно на основании пометы Венгерова: «Чуковский; 12025», которая хронологически сближает последние письма Чуковского. С другой стороны, как указывалось в текстологической справке, входящие номера не всегда соответствуют точной датировке или содержанию писем. В равной степени это письмо может занимать в переписке любую позицию, в том числе первую. Но в этом случае мотив подозрительности Венгерова в «свинстве» Чуковского выглядел бы тотальным, что представляется неверным.

¹ Телеграмма не сохранилась.

² О ком идет речь, неизвестно.

³ Последний абзац приписан карандашом.

29. Расписка Чуковского

29 марта 1914. Санкт-Петербург

29/III

За счет С. А. Венгерова выдано Чуковскому 1 экз. Белинский соч.¹ по I / VIII.14.

К. Чуков<ский>.

Пометы карандашом: «К. Чуковский; 12029»; поверх слов «За счет» — неразборчивая подпись и дата: «29/III».

¹ Речь идет об изд.: Полное собрание сочинений В.Г. Белинского: в 12 т. / под ред. и с примеч. проф. С.А. Венгерова. Т. X. СПб.: Общественная польза, 1914. Десятый том вышел в свет в конце 1913 г.

Литература

1. Берман Д.А. Корней Иванович Чуковский: Биобиблиографический указатель. М.: Рус. библиогр. о-во; Восточ. лит., 1999. 467 с.

2. Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова и К.И. Чуковского. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. Т. 8. 771 с.

3. <Брюсов В.Я. Письма> С.А. Венгеру / публ. Э.С. Литвин // Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 676–685.

4. Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: новые материалы и исследования: в 5 кн. М.: Наука, 1982. Кн. 3. С. 153–539.
5. *Морозова С.Н.* К.И. Чуковский и зарубежная литература. М.: Флинта, 2020. 265 с.
6. *Павлова Т.В.* Оскар Уайльд в русской литературе (конец XIX – начало XX в.) // На рубеже XIX и XX веков. Из истории международных связей русской литературы. Л.: Наука, 1991. С. 77–128.
7. Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С.А. Венгерова: Аннотированный указатель: в 2 т. СПб.: Наука, 2001–2010.
8. *Сороколетова Г.И.* Письма В.П. Махновца // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1996. № 4. С. 254–275. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35647530> (дата обращения: 26.01.2025).
9. *Федотова С.В.* «Любопытный малый»: письма З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского к К.И. Чуковскому (1907–1920) // Литературный факт. 2021. № 2 (20). С. 31–81. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-31-81>
10. *Федотова С.В., Соболев А.Л.* «...буду очень к Вам требователен»: письма Дмитрия Философова к Корнею Чуковскому (1908–1919) // Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа / отв. ред. и сост. А.А. Холиков, при участии Е.И. Орловой. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 400–455.
11. *Чуковский К.И.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012–2013.
12. *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: НЛЮ, 2004. 448 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

“Zeus the Benefactor” and “the Born Gamin”: S.A. Vengerov’s Correspondence With K.I. Chukovsky (1907–1914)

© 2025. Svetlana V. Fedotova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: For the first time, the article presents the correspondence between S.A. Vengerov and K.I. Chukovsky. It allows us to trace the literary relations between the famous bibliographer, literary historian, and publisher, on the one hand, and the young literary critic, on the other. We reconstruct unknown stories related to Vengerov’s attempts to involve Chukovsky in writing literary portraits of V.Ya. Brusov and Z.N. Gippius for the large-scale publishing project “Russian Literature of the

20th Century. 1890–1910” (ed. by Prof. S.A. Vengerov). The article puts forward a hypothesis that Chukovsky’s undated reply to the CBD (Critical and Biographical Dictionary...) questionnaire can be chronologically correlated with the correspondents’ last letters.

Keywords: S.A. Vengerov, K.I. Chukovsky, correspondence, V.Ya. Brusov, Z.N. Gippius, literary portraits, CBD questionnaire, publishing projects.

Information about the author: Svetlana V. Fedotova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9991-4966>

E-mail: lucia-th@yandex.ru

For citation: Fedotova, S.V. “Zeus the Benefactor” and “the born Gam-in”: S.A. Vengerov’s correspondence with K.I. Chukovsky (1907–1914). *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp. 55–91. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-55-91>

References

1. Berman, D.A. *Kornei Ivanovich Chukovskii: Biobibliograficheskii ukazatel' [Kor-ney Ivanovich Chukovsky: Biobibliographic Index]*. Moscow, Russkoe bibliograficheskoe obshchestvo Publ.; Vostochnaia literatura Publ., 1999. 467 p. (In Russ.)
2. Blok, A.A. *Sobranie sochinenii: v 8 t. [Collected Works: in 8 vols.]*, vol. 8, ed. by V.N. Orlov, A.A. Surkov, and K.I. Chukovsky. Moscow, Leningrad, Goslitizdat Publ., 1963. 771 p. (In Russ.)
3. <Briusov, V.Ia. “Pis'ma” S.A. Vengerovu” [“Letters to S.A. Vengerov”], publ. by E.S. Litvin. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 85: Valerii Briusov [Valery Bryusov]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 676–685. (In Russ.)
4. “Blok v neizdannoi perepiske i dnevnikakh sovremennikov (1898–1921)” [“Blok in the Unpublished Correspondence and Diaries of Contemporaries (1898–1921)”]. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 92: Aleksandr Blok: novye materialy i issledovaniia: v 5 kn. [Alexander Blok: New Materials and Research: in 5 books], book 3. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 153–539. (In Russ.)
5. Morozova, S.N. *K.I. Chukovskii i zarubezhnaia literatura [K.I. Chukovsky and Foreign Literature]*. Moscow, Flinta Publ., 2020. 265 p. (In Russ.)
6. Pavlova, T.V. “Oskar Uil'd v russkoi literature (konets XIX – nachalo XX v.)” [“Oscar Wilde in Russian Literature (Late 19th – Early 20th Centuries)”]. *Na rubezhe XIX i XX vekov. Iz istorii mezhdunarodnykh svyazei russkoi literatury [At the Turn of the 19th and 20th Centuries. From the History of International Relations of Russian Literature]*. Leningrad, Nauka Publ., 1991, pp. 77–128. (In Russ.)
7. *Russkaia intelligentsiia. Avtobiografii i biobibliograficheskie dokumenty v sobranii S.A. Vengerova: Annotirovannyi ukazatel': v 2 t. [Russian Intelligentsia. Autobiographies and Biobibliographic Documents in the Collection of S.A. Vengerov: Annotated Index: in 2 vols.]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001–2010. (In Russ.)
8. Sorokoletova, G.I. “Pis'ma V.P. Makhnovtsa” [“V.P. Makhnovets's Letters”]. *Izvestiia Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia*, no. 4, 1996,

pp. 254–275. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35647530> (Accessed 26 January 2025). (In Russ.)

9. Fedotova, S.V. “‘Liubopytnyi maliy’: pis’ma Z.N. Gippius i D.S. Merezhkovskogo k K.I. Chukovskomu (1907–1920)” [“‘An Interesting Fellow’: Letters of Z.N. Gippius and D.S. Merezhkovsky to K.I. Chukovsky (1907–1920)”]. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (20), 2021, pp. 31–81. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-31-81> (In Russ.)

10. Fedotova, S.V., and A.L. Sobolev. “‘...budu ochen’ k Vam trebovatelen’: pis’ma Dmitriia Filosofova k Korneiu Chukovskomu (1908–1919)” [“‘...I’ll Demand a Lot of You’: Letters of Dmitry Filosofov to Korney Chukovsky (1908–1919)”]. Kholikov, A.A., and E.I. Orlova, editors. *Russkaia literatura i zhurnalistika v predrevoliutsionnoi epokhu: formy vzaimodeistviia i metodologiia analiza* [Russian Literature and Journalism During the Pre-Revolutionary Period: Forms of Interaction and Analysis Methodology]. Moscow, IWL RAS Publ., pp. 400–455. (In Russ.)

11. Chukovsky, K.I. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols.]. Moscow, Agentstvo FTM Publ., 2012–2013. (In Russ.)

12. Shruba, M. *Literaturnye ob’edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar’* [Literary Associations of Moscow and St. Petersburg 1890–1917: Dictionary]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 1060 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 26.03.2025

Одобрена после рецензирования: 24.04.2025

Дата публикации: 25.06.2025

The article was submitted: 26.03.2025

Approved after reviewing: 04.04.2025

Date of publication: 25.06.2025